

ГРОМОВА УЛЬЯНА

ПЯТЬ
МИЛЛИОНОВ
ДОЛЛАРОВ

ЗА

Любовь

— ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ —

Громова Ульяна

Пять миллионов долларов за любовь. Книга I

<https://litres.ru/74227474>

Аннотация

Она выросла в трущобах Нью-Йорка. Он — мультимиллиардер, умеющий лечить детей ароматами, но не способный исцелить самого себя.

Несси мечтает стать великим парфюмером. Никита давно перестал верить, что способен любить иначе, чем требует его болезнь.

Он — небо. Она — земля.

Их встреча невозможна. Их притяжение неизбежно.

Но быть им вместе или не быть — решают не они.

В этой истории тенью ходит чёрный ягуар и отбивают пульс индейские тундули. Здесь запахи становятся языком души, страсть — болезнью, а любовь — единственным лекарством.

Здесь всё не то, чем кажется.

*** — Сэр Никита дарит мисс дом? — заулыбался Экен. — Сэр Никита подарил бы мисс и Марс с разбитыми садами... — Но мисс не желает ни сады, ни Марс, — закончил за меня старик. — Мисс желает ваше сердце, сэр Никита. Это самое сердце сжалось в болезненном спазме. Я невольно положил руку на грудь

и поморщился. Похоже, я не обойдусь без антидепрессантов. Экен покачал головой и налил мне в кружку подстывшее какао. — Я узник, Экен. — У вас, сэр, есть паруса, но вы вцепились в якорь...

В тексте упоминается распитие спиртных напитков. Очень много эротических сцен. **ВНИМАНИЕ!** Ранее книга называлась "Дело все жизни". Текст не изменен.

Содержание

ПРОЛОГ. Таблетка от похоти, лекарство от боли, средство от безысходности...	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Предмет договора	9
Глава 1. Сатиры не ведают платонической любви, они сразу переходят к сексу	10
Глава 2. Толстый и твёрдый	25
Глава 3. Дайкири с малиной и перцем	41
Глава 4. Хрусталь в огнях Лонг-Айленда и Манхеттена	59
Глава 5. Ночью легче продаются души дьяволу	78
Глава 6. Разве это трудно и страшно — трахаться с удовольствием?	98
Глава 7. Жара... влажность... все дела...	115
Глава 8. Недотраханые люди	132
Конец ознакомительного фрагмента.	136

ПРОЛОГ. Таблетка от похоти, лекарство от боли, средство от безысходности...

Россия, Москва

Спустя несколько месяцев

— Никита...

Я повернул голову и посмотрел через плечо — девушка из компании брата, та, что анатомировала взглядом, растворявшим одежду, словно в кислоте. Молодая совсем, безумно сексуальная, жгучая на вид, как перец чили в шоколаде. Каштановые густые волосы ложились на плечи тяжёлыми прядями, соскальзывали на большую для её комплекции грудь и оттягивали аккуратную головку назад — иначе как объяснить вздёрнутый высокомерно подбородок и беззастенчиво изучавший моё лицо взгляд?

Красивая до невозможности, глаз не отвести. Скользнул взглядом по изгибу бедра и застыл — тончайшая ткань, мягко очерчивающая даже родинки, не спотыкалась на нижнем белье. Во рту мгновенно пересохло, будто не выпил я пять секунд назад холодную воду. Тело бросило в жар, член зашевелился, а руки зудели аккуратно завернуть платице, что на ладонь выше колен, и проверить свою догадку.

Но это опасная затея — даже будь там три слоя белья, ме-

ня уже ничто не остановит. Я слишком долго хожу недотра- ханный.

— Чем могу помочь? — прохрипел беспомощный перед жарившей внутренности похотью.

Отвернулся перевести дыхание и переключиться на пони- женную скорость захвата заложницы.

— Я бы хотела уехать отсюда. Стас сказал, вы уже уходите. Не могли бы меня отвезти домой?

— Нет проблем.

— Меня Варя зовут, — протянула она ладошку с краси- выми длинными коготками.

Я взял за пальцы и поднёс к губам, Варя изящно согнула их и улыбнулась. Наши взгляды коснулись, смелее проникли на территорию личного пространства друг друга и утонули в невесомости морали и запретов.

Я буду трахать её, пока не иссохнет член и не превратятся в горошины яйца. Чуть не сказал это вслух — спермотокси- коз уже захлестнул озабоченные мозги.

— Где ты живёшь? — спросил, понимая, что она может назвать любую точку планеты — окажется все равно у меня в спальне.

— Да какая разница? — пожала плечиками и разверну- лась на каблучках, одновременно поворачивая рычаг моей выдержки на опасный минимум.

Я шёл за ней среди колыхавшихся в танце тел, как меж- ду болотных водорослей за божьей благодатью. Лишь ока-

завшись у гардероба, оторвал взгляд от упругой попы, чтобы помочь девушке надеть палантин из чернобурки. Вывел Варю за улицу, поддерживая под руку, на ходу отключая сигнализацию в «Мерседесе».

— Прошу... — открыл для неё переднюю дверь.

Но она открыла заднюю и села красиво, как умеют это делать настоящие леди. Не посадка — театральный, но естественный, отточенный повседневным использованием этюд. Я закрыл дверцу и сел за руль, бросив взгляд в зеркало заднего вида — Варя устроилась посередине сиденья.

Обернулся и подавился слюной — облегающее платье собралось на разведённых точёных ножках, скрывавших в тени то, что я желал больше всего. Отвернулся и завёл двигатель, ухмыляясь — впервые в жизни сняли меня, а не я. И что на этом неожиданные приятности не закончатся — был уверен.

— Сколько тебе лет? — спросил просто, чтобы что-то сказать, завязать разговор, потому что она все же не проститутка, чтобы с порога заткнуть ей рот членом.

— Совершеннолетняя, — пожалла чаровница плечиками и сбросила с них палантин. — Сверни здесь, — властно и красиво показала пальчиком на съезд в зелёную зону на берегу Москвы реки. Видимо, не терпелось не только мне. Её желание я выполнил — съехал и остановил машину за жидкой лесополосой. Погасил фары, включил пожарче обогрел салона и услышал: — Иди ко мне...

Я отогнал мысль о любимой Несси — с ней не сравнится

даже эта богиня тьмы — и впился в приоткрытый спелый рот девушки поцелуем, прижимая её к своему телу, наслаждаясь его теплом и мягкой упругостью.

Она — таблетка от похоти, лекарство от боли, средство от безысходности...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предмет договора

— А как же души прекрасные порывы? — лукаво усмехнулся Теренс.

— Ты ведь знаешь, что мой родной язык — русский? И у слова «порывы» в нём есть такое значение, как «порвать».

— Ну-у-у, дружище, ведь всегда важен контекст...

Глава 1. Сатиры не ведают платонической любви, они сразу переходят к сексу

США, Нью-Йорк

У всех проблем одно начало.

Сидела женищина, скучала...

Я люблю Америку. Нью-Йорк. Безусловно, это город номер один во многих отношениях. Его нужно прочувствовать, и тогда он проникает в кровь, пускает корни в душе и невозможно возбуждает. Тогда он проникает во сны и мысли, вдохновляет и ввергает в отчаяние. О Нью-Йорке можно сказать всего три слова и выразить ими всё:

НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ.

Это я понял почти сразу.

Отец привёз меня сюда после развода с матерью, когда я окончил восьмой класс. Два года до этого он был в Москве редкими наездами — запускал онлайн-клиники на Восточном побережье Соединённых Штатов. В России к виртуальной консультативной медицине ещё относились с недоверием, а мой отец — Соломат Герман Яковлевич — бизнесмен, который делает невозможное необходимым и повседневным. Как он говорил: «Все болезни идут из головы, а голова всего — Нью-Йорк». Поэтому его выбор и пал на Америку.

Пока он работал, я бродил по Манхеттену, сидел в Центральном парке на траве и удивлялся тесному переплетению неформальных молодёжных течений. Было странно видеть, что мои сверстники свободно целовались и покупали презервативы так же легко, как Кока-колу и сэндвичи, а любой человек мог присесть прямо на асфальт или ступеньки, чтобы поговорить, передохнуть, перекусить или что-то обдумать. Эти минуты пауз в бешеном ритме жизни города стали для меня откровением. Нью-Йорк спешил жить, побуждал быть мобильным и успешным, но давал передышку в любой момент времени.

Воочию город выглядел лучше и интереснее, насыщеннее и живее, человечнее и внушительнее, чем на открытках и в кинолентах. Небоскрёбы делали узкие улочки дном глубоких колодцев американского величия, но они же делали Нью-Йорк городом невероятных панорам, открывающихся с многочисленных площадок на их крышах.

Я быстро понял: Нью-Йорк — свободный, лишённый предрассудков город, а американцы — раскрепощённые, щедрые на искренние улыбки, всегда готовые помочь, непривычно открытые и счастливые люди. Однажды я увидел двух женщин топлес прямо в центре Манхеттена и застыл столбом, озираясь в поисках полицейских. И хоть девушки привлекали внимание окружающих, никто не арестовал их и даже не пристыдил. Я сфотографировал их и уже в гостинице из интернета узнал, что женщинам Нью-Йорка официально

разрешено ходить по городу с обнажённой грудью.

В тот же памятный для Америки — а теперь и для меня — День независимости я сказал отцу, что разглядел Манхеттен во всей его красоте и готов жить здесь. И уже скоро отец вложился в недвижимость по крупному, купив апартаменты на Пятой Авеню, похожий на замок особняк Bramshill Manor на Оушен Парквэй и квартиру на улице Ферман недалеко от Бруклинского моста.

Спустя двадцать лет этот день — 4 июля — я собирался провести в Нью-Джерси вдали от шумных шествий и концертов, готовить барбекю и пить пиво, но неотложные дела занесли меня на Тринити плэйс в офис моей компании «Appalachian». Я быстро закончил с документами и зашёл в «Place Bar». Жара стояла феноменальная, я сидел в одиночестве за столиком, потягивая мятный чай со льдом, и злился: голод — неизменный спутник, выматывал, а Джейк — мой психотерапевт и друг, неожиданно, нарушая договорённость о встрече, срочно улетел в горы на границу с Канадой в какое-то племя индейцев, оставив немногословное голосовое послание: «Надеюсь победить в тебе сатира с помощью шамана». Я на это только ухмыльнулся и тут же оглядел зал в поисках девушки на вечер.

Она сидела за барной стойкой, потягивала коктейль и выглядела сногшибательно. Фигурка — закачаешься: стройные длинные ножки, крутые бёдра, тонкая талия, плоский

животик, высокая грудь — всё как я люблю. Мне понравились и её длинные волосы: густые, чёрные, как смола, вившиеся крупными волнами и на вид очень тяжёлые. Девушка была хороша в платье цвета топлёного молока, не скрывшем ни единой линии будто выточенной из палисандра фигурки. Скользнул оценивающе по чёткому овалу лица, тёмной коже, манящим мягким губам и... встретил её взгляд.

Она разглядывала меня внимательно, держа в длинных пальчиках высокий бокал с малиновым напитком. Член чуть не разорвало от болезненного рывка крови — зверь встал и заявил о своём неутолимом голоде. Незнакомку уже ничего не спасло бы от тесного с ним общения.

Откинулся на спинку кожаного дивана, не отпуская взгляд девушки. Она будто задеревенела, и я внутренне усмехнулся, вспомнив, что Джейк называет меня сатиром, а женщины — козлом. Что ж, пусть так — тем хуже для женщин, но удобнее для меня. Я приносил их в жертву своему голоду и оставлял иссушенными и забытыми. Красивой сексуально привлекательной знакомке грозила та же участь.

Девушка грациозно скользнула с барного стула и немного порывисто подошла ко мне. Я открыто любовался изгибами её аппетитного тела. Было видно, что она смущается от моего внимания. Ей всего лет двадцать, давно не трахал таких молоденьких — они слишком ранимы и влюбчивы, а я не завожу отношений и не терплю навязчивости — с взрослыми женщинами в этом плане комфортнее. Стало жаль дев-

чонку — сатиры не ведают платонической любви, они сразу переходят к сексу. Вздохнул — придётся быть с ней внимательнее и осторожнее. Что ж, тело случая. Голоду все равно, как его удовлетворю: смакуя малиновый десерт или заглатывающая шоколадный пряничек целиком — лишь бы притупить ломящую боль в члене. А потом вызову профессионалок и отдамся их ртам, губам и попкам.

— Привет! — её голос продрал кожу приятной лёгкой хрипотцой до мурашек.

Чёрт! Звучит как музыка — не люблю звонких голосов, от них головная боль и треск в ушах, они даже стонут так, что хочется заткнуть рот половым органом.

— Привет, — даря хищную улыбку и скользя взглядом по стройным ножкам, глухо пророкотал и сам удивился тому, как мгновенно внутренне подобрался — девчонка вызывала совершенно определённое желание, пульсировавшее на кончике плоти.

Вблизи она ещё совершеннее. Мулатка с золотистым оттенком тёмной кожи, глазами цвета шоколада, яркими от множества золотых искорок. Просто юная пантера. Чудо как грациозна, несмотря на неловкость от смущения и волнения. Я залюбовался.

— Не видела тебя здесь раньше, — она поставила бокал на середину столика.

— Не будем тратить время на обмен конверсивами, — усмехнулся, делая большой глоток чая и вылавливая губами

льдинку — нужно было немного притупить жар в штанах, отвлечься и перед трахом для начала всё же пообщаться с девочкой.

Она растерялась, бросила беспомощный взгляд куда-то в сторону бара, а я подался вперёд, роняя взгляд в вырез её платья, чувствуя в пальцах зуд от желания погладить аппетитные холмики. Я почти в два раза старше её, и транслировал совершенно однозначное намерение. Видимо, всё же напугал её откровенностью. Увы, но я не устраиваю романтических вечеров и не веду с женщинами долгих переговоров. Поэтому, когда девушка взволнованно подскочила и направилась в коридор с комнатами гигиены, очевидно, желая скрыться от моего липкого внимания, я поднялся и нагнал её в три шага — зверь требовал принести эту малышку в жертву его болезненной похоти.

В достаточно просторное для своего назначения помещение мы вошли вместе: отделочный камень цвета кофе с золотистыми прожилками, зеркало с подсветкой во всю стену над раковиной — шикарная оправа для незнакомки в ее же тонах. Замкнул дверь, полностью отрезая голоса посетителей и звуки шумного Нью-Йорка. Девушка широко распахнула глаза, глядя на меня снизу вверх — она едва доставала макушкой мне до подбородка. В ноздри просочился аромат: тонкий, неуловимо знакомый, но я не мог вспомнить, что пахнет вот так терпко, сладко и прохладно. Повёл носом над её волосами:

— Чем ты пахнешь?

Она отшатнулась и отступила к длинной каменной плите с раковиной посередине, прижимая к животу маленькую сумочку.

— Маслом для волос...

Я видел в её глазах понимание и... предвкушение? Но всё это было густо замешано на испуге и волнении. Её эмоции понятны и... Чёрт! Они восхитительны! Искренние, свежие, как она сама, тронувшие мою окостеневшую за ненадобностью душу.

— Не бойся. Я не насилую хорошеньких девушек.

Я накрыл её влекущий рот нежным поцелуем, раскрыл языком мягкие губы, собрав её вкус с нёба и языка — малина и что-то ещё: жгучее и дразнящее. Выпил её выдох, зарывшись пальцами в волосы, вкусил аромат и несмелость, наслаждался податливо приоткрытыми губами и хотел девочку до помутнения рассудка. Зверь рвался из штанов, но я впервые за много лет хотел целовать женщину, а не склонить чувственный рот к члену.

— СПИДом не болеешь? — почти прохрипел, зная, что всё равно не остановлюсь и трахну её здесь и сейчас. Да и плевать, даже если заражусь.

Она снова отшатнулась от меня с возмущением в больших глазах, замотала головой. Я повернул её спиной, задрал короткое платье, запустил руку в трусики, коснулся чего-то, чего там быть не должно — твёрдого и упругого... И неожи-

данно получил яростный отпор: девушка будто подпрыгнула и рванулась к выходу так резко, что я едва успел перехватить её под грудью и приподнять так, что она повисла на моей руке. Не давая ей опомниться, рывком сдёрнул с неё затрещавшие трусики, подхватил под колено, задрав ногу, как котёнку, и поднял малышку повыше, смотря в отражение зеркала туда, где чего-то странного коснулись пальцы. Лицо незнакомки потемнело — похоже, она густо залилась краской.

Что я творю?! Перехватил девочку и усадил на плиту, раздвинул её ножки и смотрел на чудо чудное, поглаживая кончиком пальца головку твёрдого клитора, массируя его, лаская нежные складочки.

— Ч-чёрт... Я хочу тебя ещё больше...

Незнакомка затихла, крупно дрожа, и вдруг тихо застонала. В паху уже ломило невыносимо, я спустил штаны вместе с боксерами и толкнулся членом в плоть цвета нежного цвета какао с каплей молока, и на ум пришло неуместное сравнение с плотным невинным бутоном цветка, варварски раздраемым мной. Удивился, что войти в неё не получилось — она оказалась для меня слишком маленькой и плотно сжатой, даже несмотря на выступившую смазку. Головка туго преодолевала упругие кольца тесного лона, а я не хотел причинить ей дискомфорт. Не этой испуганной девочке. Сердце сжалось от жалости и желания доставить ей удовольствие.

Посмотрел на её губы, мечтая увидеть и почувствовать их на члене, но я не привык бросать дела на полпути. Я всё рав-

но наполню её собой и кончу в неё, а со всеми последствиями мы разберёмся позже. Что не выпущу из своих похотливых лап эту девчонку — уже решил точно. Такие тугие и искренние мне никогда не доставались. Ещё и с таким чудным клитором. Больная фантазия творила с ним такие непотребства, что член прошивало будто током, а рот наполнялся слюной.

— Ты не хочешь или стесняешься?

— Я... хочу...

— Но стесняюсь себя, — продолжил за неё, уже понимая её рывок к двери и всю эту смесь эмоций в шоколадных с золотом глазах. — Мне это нравится, — я посмотрел на её промежность, лаская головкой члена чудо чудное, и девушка снова на секунду зажмурилась — ей было приятно. А мне от этого тепло на душе и ещё приятнее. — Ты, наверное, всё острее чувствуешь и ярко кончаешь?

— Я... не знаю, — ответила со смятением в глазах, вызывая во мне тень того же чувства — «не знаю»?

— Тогда проверим опытным путём. Тебе будет очень приятно, но долг платежом красен... Я хочу от тебя того же... позже...

Снял с неё платье — она послушно подняла руки и откинулась на зеркало. Голенькая, красивая, совершенная, настоящая и сейчас вся моя. Моя сладкая жертва, мой счастливый случай. Стянул с себя рубашку, подтянул девушку к себе и обнял, накрыв её губы нежным поцелуем. На этот раз она ответила, прильнув ко мне всем телом, пылко и неумело,

дразня твёрдыми уткнувшимися в кожу сосками и упругой мягкостью прижавшейся груди. Я целовал её, не в силах оторваться, гладил изгибы её тела, сминал пальцами бразильскую попу и пьянел, как мальчишка, как в первый раз. И хотел её так сильно, что не в силах был остановиться и не елозить членом по её влажной плоти, касаясь клитора и поставившая от удовольствия.

Я еле оторвался от неё, уложил на прохладный камень, видя, как её кожа отозвалась на холод, как дерзко манили торчавшие крупные соски. Пробовать их на вкус, лизать и сжимать губами — просто кайф! Я сосал её, собирая ореолы в рот и лаская языком, целовал упругие холмики, сминая их пальцами, и трахал её, не проникая, скользя размеренно членом по тёплой набухшей плоти девочки. Все мышцы ниже живота напряг, чтобы не излиться прямо сейчас, чтобы познать её всю, насадить на член и умереть от жаркого тесного плена лона.

Зверь сам нашёл вход в нежный бутон, уткнулся головкой, дрогнув в предчувствии.

— Помоги мне ручкой, девочка... — выдохнул ей в губы и снова двинулся внутрь, медленно и настойчиво.

Она обняла член ладошкой и провела сверху до основания, и я застонал от долгожданной ласки, двинулся внутрь, но она всё ещё не готова меня принять, а вторгаться насильно значило порвать её и сорвать себе уздечку. Хотя одну узду она уже сорвала: чего мне стоило не взбеситься от тщет-

ности ласк — знает только бог. Или чёрт. Я едва не зарычал и припал к её шее, скользнув по ней губами, прихватив кожу у основания и снова спустившись к девичьей груди, хватая соски жадно, прикусывая кожу вокруг и сжимая её попу.

Что не так с этой девчонкой? Почему она хочет, но не раскрывается, как намертво запаянная? Мой божественный десерт с неожиданным вкусом, украшенный спелыми черешенками, лежит передо мной беспомощный, с крупными слезами и мольбой в золотистых глазах, а я дико хочу, безудержно и яростно, но не могу попасть в этот рай!

Я подсунил руки под её колени и приподнял поясницу, опускаясь ниже. Очертил языком идеально гладкий лобок, скользнул языком по нежным складкам и взял губами твёрдый клитор, втянул в себя, почувствовав, как дёрнулась всем телом и застонала девушка. Я делал ей то, что хотел получить сам — минет. Назвать эту ласку куни было бы странно: её клитор похож на маленький член. Сейчас, напрягшийся от ласки, он торчал сантиметра на четыре и был толщиной с мой большой палец. Я ласкал его так, как хотел бы, чтобы она приласкала после меня: сосал, не выпуская изо рта, облизывал и смаковал вкус, чувствуя, как он реагирует. Увлёкся этим необычным занятием, слушая её стоны, глядя, как шире развела ноги и задвигалась навстречу, вцепилась в волосы, притягивая к себе плотнее, и вдруг захлебнулась стоном удовольствия.

Я больше не мог ждать — сейчас, когда её плоть пульси-

ровала, я мог её взять. И я взял! Чёрт! Дьявол! Бог! Святые небеса! Как же это невыносимо сладко...

Я раскрыл её, будто вспорол, прорвал тугое сопротивление и вошёл весь, такой для неё огромный, до упора, и замер, ловя кайф, давая ей привыкнуть к моему размеру и успокоиться самому, чтобы не кончить в это же мгновение. Медленно выскользнул, чтобы вновь войти и насладиться теплом и влажностью, опустил взгляд на клитор и замер в ошеломлении — член был в крови. Порвал?!

Но девушка улыбалась совершенно счастливая, хотя и всё ещё смущённая. Святая простота! Я вылизал её, а она смущается! За что мне — похотливому козлу — этот подарок, господи?!

— Ты... девочка? — Она кивнула и улыбнулась. — Чудо-юдо, как зовут тебя?

— Тенесси Моори. Несси.

— Тебе больно?

Если скажет «да», я её отпущу и подрочу, глядя на её тело — не могу сделать ей больно, она слишком невинна для меня.

— Пусть будет больно... теперь пусть будет, как хотите вы...

Она сошла с ума? Но, может...

— И там ещё не... — я тронул сжатое колечко ануса, и она замотала головой. Чёрт! — Сколько тебе лет, Несси?

— Двадцать один.

— Это из-за него... — я приласкал её торчавшую плоть, и она смутилась, прикусив губку. — Ты прекрасна, девочка, — простонал, мечтая, чтобы эти губки чуть прикусили меня. — И клитор твой чертовски соблазнительный. Теперь держись, детка, я слишком долго терплю. И с живой тебя сегодня не слезу...

К чёрту жалость!

Я задвигался мощными рывками, вбивался в неё с жадностью. Мне нравилось, что она взрослая, но девочка, явно не раз кончавшая от мастурбации и готовая отдаваться, голодная не меньше моего — непаханое поле, подарок судьбы циничному сатиру, ненасытному и озабоченному. Подарок моему зверю и извращённой психике. Я драл эту девчонку с рычанием ягуара, заставляя её принимать меня целиком и полностью. Она охала и всхлипывала, цепляясь за мои плечи и руки. Я положил её ладонь на торчавший клитор:

— Мастурбируй, сладкая...

Несс ласкала себя, и это было похоже на то, как мастурбирую я. Я трахал её жёстко и грубо, видел, что её возбуждение граничит с болью, воспалялся от её стонов и горячий плоти, крепко обнимавшей член. Терял ориентиры, выпадал из реальности и мог думать только о наслаждении от её тела, о самом бесценном — о сытости, хоть на несколько минут утолённом голоде. Я рычал, вбиваясь в неё быстро и яростно, впиваясь пальцами в кожу на талии, насаживая девушку на себя.

Несси стала драгоценной находкой в этот знаменательный День независимости, надеждой, что хоть она сможет укротить моего зверя, остановить изматывающую погоню за сексом, станет моим облегчением. Меня ужасала мысль, что я мог упустить эту чудую-юду, никогда не встретить и не узнать, как это — кончить и не хотеть хотя бы несколько часов, как все нормальные люди. Теперь, когда открыл её «постыдную» тайну, она стала для меня дико, горячо и необузданно желанной диковинкой. И я сам ласкал чувствительный кончик клитора, так похожий на головку члена, зажимал его между пальцев и быстро дробил, с удовольствием наблюдая, как ёрзала девушка, хватаясь за черешни сосков, опуская ладошки на внутренние стороны бёдер и разводя ноги ещё шире, выгибаясь, неудобно лёжа на согревшейся от её тела плите. Я дождался, когда она снова зайдёт в оргазме, туго сжимая член внутри себя, и спустил семя внутрь — против собственных правил, вопреки осторожности, наперекор здравому смыслу... смешивая кровь девственницы со спермой похотливого ебливого козла, получая от этого ни с чем несравнимый экстаз.

— Лохнесс, ты — чудо. Спасибо... — Я прижимал её к себе и целовал губы и щёки, глаза и лоб, дышал её невероятным запахом, а душа улетала от счастья встретить её. И хоть я не почувствовал сытости от секса, но чувствовал, что даже если она не захочет больше меня видеть, я её из-под земли достану и буду трахать, трахать, трахать... и награж-

дать за нереальный кайф от её совершенного тела. — У тебя сейчас есть единственная возможность сбежать от меня, — я бесстыдно лгал, но давал ей призрачный шанс, право выбора без выбора.

— Ты же сам говорил, что долг платежом красен.

Я улыбнулся — уже на «ты». Спустил её с плиты на пол. Обмылся под краном, а девушка присела над биде. Я натянул штаны и смотрел, как струя воды льётся на её горячую плоть, и снова почувствовал голод. Это проклятый, выматывающий и истощавший психику голод. Несси подмылась, промокнула салфеткой промежность и бедра, надела платье и подняла порванные трусики. Покрутила их и бросила в утилизатор вслед за салфеткой. Попыталась пригладить растрепавшиеся упругие завитушки, убирая их со лба, и повернулась ко мне.

— Я люблю секс, Несси. И трахать тебя буду много и по-разному. Может быть больно и непривычно.

— Попробую справиться...

— Тогда... меня зовут Никита, — я ободряюще улыбнулся её отражению в зеркале. Перед глазами стояла струя горячей воды, льющаяся на её плоть. — Несси, однажды ты со мной улетишь на небеса...

Глава 2. Толстый и твёрдый

Свежевыжатый треш за счёт заведения

— Несь, дочка, как ты там?

Я уже год в Нью-Йорке, но так ничего и не добилась. Рвалась за лучшей жизнью, но что будет так плохо — даже представить не могла. Вот тебе и город-мечта... Наивной не была, знала, что будет очень непросто — молодые специалисты далеко не нарасхват, а я к тому же выбрала далеко не популярную профессию биолога-химика. И работать мечтала парфюмером. Но пока варила мыло и настаивала на травах, специях и фруктах масла и сдавала их на реализацию в маленькие частные лавочки на свой страх и риск без всяких договоров. Бывало, приходилось об этом жалеть, но всё же худо-бедно я себя обеспечивала. Плохо, что только себя. Моя семья нуждалась в помощи, а я упорно не желала возвращаться домой и верила, что большой город однажды увидит мои старания и вознаградит и работой, и счастьем быть любимой.

— Мамочка, все так же... — оборвала себя на полуслове, чуть не сказав, что снова потеряла работу. — Работаю.

— Когда домой приедешь? Папа совсем ходить не может, а Майкл от рук отбился.

Мне было очень стыдно, что я неблагодарная дочь, что должна быть рядом с мамой и помогать ей, а вместо этого

снова брожу по Манхеттену в поисках новых лавок и магазинчиков для сбыта новой партии мыла и масел. К тому же мне просто необходимо найти новое жильё.

— Мамуль, отпуск будет, обязательно приеду. Может быть, осенью.

— Звони, Несь, совсем не пропадай! Мы с папой волнуемся за тебя, милая.

— Не пропаду, мам. Люблю вас с папой и Майклом. Целую всех.

Мама завершила звонок, и я, как всегда после разговора с ней, с тяжёлым сердцем убрала сотовый в клатч. Ноги уже гудели, а праздничное настроение раскрашенных в цвета американского флага шумных людей уже раздражало. Голова болела от какофонии звуков, доносившихся с бесчисленных концертных площадок и игравших на каждом углу музыкантов. Июльское солнце пекло так, что я казалась себе жарившимся на сковороде беконом.

Может, будь я не одна, будь влюблена, тоже веселилась бы с толпами соотечественников и туристов, празднуя День независимости, но я чувствовала себя одинокой и ещё слишком хорошо помнила несостоявшуюся любовь. Сэма. И его отвращение, когда он увидел мой клитор, когда после жарких поцелуев дело дошло до откровенных ласк.

«Ты не девушка, а... Гермафродит! Трансвестит!» А уж что последовало за этим...

О, флаг Америки! Тот позор и издевательства, когда он

вытащил меня голую в гостиную, где праздновали выпускной всем курсом, не знаю, как пережила. Как он прижимал меня к себе за талию, крепко и больно, что невозможно было вырваться, держал на весу и демонстрировал всем моё торчащее от возбуждения сомнительное достоинство, обзывая так, что до сих пор в груди поднимается волна обиды и гнева...

Мне хотелось любви и нежности. Да просто секса! Но после двойного удара — что не любит и оказался такой тварью — я всё ещё не оправилась, стыдилась себя и доставляла себе удовольствие сама. Конечно, я изнасиловала google и знала, что есть парни, которым я бы понравилась с такой особенностью, но испытывать судьбу не хотелось. Я была уверена, что мой клитор оценили бы мужчины постарше, для кого секс уже не приключение, а обыденность, но я не слишком общительна после тех событий. Да и вряд ли бы всё же осмелилась перед кем-то обнажиться. Но я нормальный человек с активными желаниями и в том самом возрасте, когда чувственность и сексуальность должны радовать и доставлять удовольствие. Я хотела секса, хотела целоваться и любить. Хотела быть любимой.

Но на Манхеттене у меня появилась только подруга — Стейра. И я даже ей не призналась, почему у меня нет парня, не рассказывала, какое несчастье ношу в трусах. Она сегодня работала, и мы не смогли провести время вместе, но зато я могла посидеть у неё в прохладном баре, дать передышку

ногам и попить что-нибудь освежающее.

Я так и сделала — повернула на Тринити плэйс и вошла в «Place Bar».

Стейра за стойкой была одна — её напарник, как всегда, где-то играл на айфоне.

— Привет, Неська! Рада, что зашла.

— Привет. На улице как в аду.

— А у нас сегодня дайкири почти даром. Будешь?

— Если холодный, то давай.

Стейра принялась смешивать коктейль, а я села на барный табурет и оглядела зал: в укромном углу на диванчике обнималась парочка; трое парней шумно что-то обсуждали, пристроившись за стойкой, растянувшейся вдоль окна; несколько девушек строили им глазки; две женщины за дальним столиком неспешно о чем-то беседовали, а молодой мужчина вальяжно откинулся на спинку дивана в вип-зоне и что-то пил, похоже, зелёный чай со льдом — я узнала в его руке специальный высокий стакан для этого напитка.

— Держи. Фирменный.

Я сделала глоток. Необычный напиток наполнил рот сладостью холодной малины и вдруг опалил нёбо, язык и губы острым перцем, тут же сгладив жар терпким шоколадом. Подруга, увидев моё ошеломление, хихикнула:

— Круто, да? Как секс. Сначала сладко и приятно, потом жарко и немного больно, а потом просто фейерверк ощущений!

— Да, правда, похоже, — поддакнула, будто на самом деле знала, как это бывает. А хотелось именно так: сладко и немного больно.

— А тебе как нравится? Сладко и нежно или больно и жарко? — лукаво шепотом спросила девушка и заговорщицки стрельнула глазами на одиноко сидевшего мужчину: — Смотри, какой жеребец. Крупный, статный, красивый. Так и прёт из него белая кость и голубая кровь. Слабо познакомиться?

Я сделала большой глоток, чтобы собраться с мыслями и дать очередной отпор. Стейра в каждом встречном видела потенциального парня на ближайшие ночи. Я порой завидовала, как легко она находила себе приключения и совершенно ничего не стеснялась. Меня и раздражала, и возбуждала эта её смелость или скорее пошлая наглость. Бывало, покулив с новыми знакомыми травки, она звала меня присоединиться к их любовным утехам третьей. Ей плевать, где отдаваться и, как мне казалось, кому. Будь она не на работе, где строго следят за репутацией заведения, уверена, она бы уже вилась возле этого посетителя с недвусмысленными намёками.

— Я бы и сама, но... — подтвердила мои мысли подруга.
— Ну так как, слабо?

— Нет, не слабо. Но он старше лет на десять.

И он действительно на фоне остальных посетителей выглядел иначе, притягивал к себе взгляд, хотя одет был про-

сто. «Белую кость и голубую кровь» выдавала вальяжная уверенность в себе, хоть и расслабленная, но прямая спина и абсолютное спокойствие. Все его движения — скупые и точные — несуетливы и необходимы. Он однозначно знал себе цену. Да и характер у него наверняка под стать телу: мощный, прокаченный, закалённый, жёсткий, но добрый и великодушный. Почему-то в последнем я была уверена. Злые и жадные люди так гармонично, излучая внутренний свет, не выглядят. В мужчине определённо было что-то, что потянуло меня к нему, как мотылька на жаркий огонь свечи. С таким сгореть один раз и навсегда — высшее наслаждение.

— Значит, точно хорош. Давай не теряйся! Когда трахалась последний раз?

Я вздохнула, сделала глоток...

Мужчина повернулся, будто слышал наш разговор, осмотрел меня с ног до головы и встретился со мной взглядом, таким, что я оцепенела.

— О-о, он клюнул на тебя... Давай, подруга, смелее...

Я соскользнула с табурета и пошла к нему, будто он тянул к себе за невидимый, но для меня почти осязаемый повод. Он словно взял меня за горло и сделал безвольной куклой. А я и была поломанной куклой. Жила, механически выполняя привычные функции, пустая внутри, выпотрошенная когда-то любимым...

Присела напротив него, не зная, что сказать.

— Привет, — горло от волнения перехватило, и голос

прозвучал хрипло.

— Привет, — ответил мужчина, откровенно оценивая моё тело.

Будь мои глаза закрыты, я бы сказала, что меня гладят его руки. Если он одним взглядом такое делает...

— Никогда не видела тебя здесь раньше...

О, флаг Америки! Что я несу?! Будто сама тут завсегда-тай.

— Не будем тратить время на обмен конверсивами, — усмехнулся.

Показалось, что он старше меня не на десять лет, а на целую жизнь. Впервые поняла, что значит «ощутить ауру». Его была зрелой, сильной, жаркой и волнующей. Было в нём что-то по-звериному опасное и оттого притягательное. Он, как синеглазый чёрный ягуар из легенды ольмеков, олицетворял царственность, независимость, силу, плодородие...

О, флаг Америки! Во мне будто проснулась большая кошка, выгнулась и предвкушающе потянулась, бесстыдно подставив зад и отодвинув хвост. Клитор заломило и прижало намокшими трусиками. От неожиданной звериной похоти меня окатило жаром.

Я поставила опустевший бокал между мной и мужчиной на середину столика, словно он мог защитить меня от непонятного влияния незнакомца, разорвать странное, неожиданно возникшее к нему притяжение... Но этого было мало. Я уже коснулась огонька, и спастись нужно бегством, пока

не сгорела.

Встала и рванулась в туалет — нужно умыться, прийти в себя, развидеть его синие яркие глаза и забыть тот зовущий рык хищника — альфа-самца, что я — могла бы поклясться на католической Библии — услышала в собственной голове.

Мужчина нагнал меня, повернул за мной в тупик с туалетными комнатами, вошел в одну из них следом и запер дверь. Я повернулась и почти уткнулась ему в грудь. От него хорошо пахло солнцем и морским парфюмом. Еле слышно, и оттого ещё приятнее — моё тонкое обоняние было благодарно ему за это. Он, будто слышал мои мысли, повёл носом вокруг моих волос, и я отшатнулась и прижалась к длинной каменной столешнице с чашей раковины.

О, флаг Америки! Мы даже обнюхивали друг друга, как звери!

В синих глазах мужчины светился откровенный интерес, а его намерения совершенно понятны. Я была уверена, что он склонит меня к минету. Сколько раз я смотрела порно-ролики и раз случайно видела, как это делала, не скрываясь, Стейра, но никогда не пробовала сама. И никто никогда не трогал меня там, кроме Сэма. В лицо горячо ударила кровь, когда я поняла, что этот незнакомец станет трогать меня там. И это осознание оглушило громким стуком сердца, волнением и... предвкушением.

О, флаг Америки! Гореть мне в его огне дотла...

— Не бойся. Я не насилую хорошеньких девушек...

Мужчина неожиданно накрыл мой рот поцелуем, провёл по губе и нёбу языком, будто что-то искал, обвёл язык, чуть сильнее обхватил губы и отпустил. Будто снял пробу, как пенку с молока и, кажется, остался доволен.

— СПИДом не болеешь? — почему-то прохрипел глухо, будто у него перехватило дыхание, но как-то отстранённо, словно его не интересовал ответ.

Я возмущённо замотала головой, глядя в его потемневшие глаза. Он топил меня в их заштормившей пучине, я смотрела в них и захлёбывалась без шанса вдохнуть и выжить. Он повернул меня к себе спиной, обхватив грудь сильной рукой, задрал платье, обнажая живот, и скользнул пальцами в мои трусики. Я взвилась и выронила сумочку, рванулась к двери, но он уже тронул мой затвердевший позор. Стало стыдно и страшно. Мужчина поймал меня мгновенно, легко оторвал от пола и рванул трусы так, что они, по-моему, разорвались надвое, больно резанув по коже в паху. А потом подхватил под колено и поднял меня выше, разглядывая *там* в отражении зеркала...

Я снова испытывала унижение и стыд, как когда-то с Сэмом. Меня держали, как щенка за лапу, пытаюсь определить его половую принадлежность. Я и сама с ужасом смотрела на торчащий возбуждённый клитор. Толстый и твёрдый, как член...

Мужчина что-то сказал мне, ткнувшись в шею носом, потом перехватил, усадил около раковины и развёл мои ноги:

— Ч-чёрт... Я хочу тебя ещё больше...

О, флаг Америки!..

В животе что-то сжалось, когда он осторожно тронул пальцами клитор и погладил его, разглядывая откровенно и внимательно. Я закусила губу: он трогал кончик — самое чувствительное место, было немного больно, но невероятно приятно. Кровь прилила к лицу и пульсировала в висках, а он гладил моё несчастье, ласкал, скользя пальцами по всей длине, чуть сжимая. Я так делала сама, но от его рук это оказалось приятнее. Я застонала от наслаждения, когда он тёплым пальцем провёл по нежным складкам, обвёл вход туда, где ещё никто не был, и снова коснулся твёрдой головки.

Мужчина спустил с бёдер штаны вместе с трусами и ткнулся твёрдым членом внутрь меня. Я невольно сжалась, ожидая боли — он был большим и толстым, как дубинка, казалось, порвёт внутри всё. Мне стало стыдно, что я давала сделать это со мной первому встречному, но он хотел меня, и пусть это будет он — невероятно притягательный мужчина.

Он вынул член, посмотрел на мои губы, и мне хотелось заплакать — он просто заставит сделать минет. Все видения погасли. На том всё и кончится. Я — наивная дура — думала, что со мной может быть по-другому...

— Ты не хочешь или стесняешься?

Вопрос оказался неожиданным. Его волнует, что я испытываю, находясь в полной его власти?

— Я... хочу...

Сказать правду оказалось неожиданно легко. И это удивило. И смутило. Признаться незнакомцу в туалете, что я хочу, чтобы он трахнул меня... Но обманывать просто невозможно, когда он так внимательно смотрел в глаза и водил влажной головкой члена по моим складкам, лаская и давая понять, что его желание и намерение твёрдо, но...

— Но стесняюсь себя, — продолжил он. — Мне это нравится.

Сказал так тихо и ласково, так проникновенно и возбуждённо, не отводя взгляда от клитора, что я зажмурилась — хотелось, чтобы он вошёл в меня. Я старалась расслабиться, но это получалось очень трудно: откинувшись на зеркало, с широко разведёнными ногами, задранным платьем перед незнакомым взрослым мужчиной... Сгорая от стыда и желания, оглушённая собственной распущенностью, я не поняла, о чём он ещё спросил. Что я могла ответить?

— Я не знаю, — ответила в смятении, что говорю невпопад.

— Тогда проверим опытным путём. Тебе будет очень приятно, но долг платежом красен... Я хочу от тебя того же... позже...

Он стянул с меня платье, и теперь перед ним я была совершенно голая и чувствовала себя незащищённо. Он мог делать со мной, что захочет — я не в силах противиться ни ему, ни возбуждению, пульсировавшему на кончике клитора. Понимание, что сейчас всё случится вот с этим незнакомцем,

и я выйду из кафе женщиной, будоражило невероятно. Теперь, когда уже не может быть позы откровеннее, ситуации пикантнее, а того, о чём мечтала ночами, мастурбируя — желаннее, я решила отдаться его рукам и члену, его желанию и опыту всем телом и душой. Я хотела его, секса с ним, его рук на своём теле, его поцелуев...

Он снял рубашку, и я пристыла взглядом к мощному торсу, буграм мышц и канатам вен. А когда накрыл ладонями мою грудь, приласкав большими пальцами затвердевшие соски, скользнул по бокам, вызывая мурашки и дрожь, и обволок губы поцелуем, таким нежным и мягким, неторопливым и чувственным, я обвила его шею и прижалась к нему, как к единственному на свете, самому дорогому, что есть у меня, к самому бесценному и желанному. А он гладил мою спину и попу, запустил пальцы в волосы, лаская языком мой рот, потом разомкнул наши губы и мои объятия и уложил меня на холодную каменную столешницу. Я закрыла глаза, отпуская фантазию и чувствуя, как он мягко ласкает мои соски, прихватывая их ртом и облизывая, посасывает и сминает груди, а его член скользит от его движений бёдрами по моим влажным складкам.

О, флаг Америки...

Мужчина подвинул меня на самый край и снова прижал головку к пульсировавшему предвкушением проникновения входу. Я старалась расслабиться, впустить его в себя и наконец почувствовать наполненность и движение внутри, еди-

нение с мужчиной...

— Помоги мне ручкой, девочка... — выдохнул он мне в губы и двинулся внутрь, медленно, настойчиво.

Мне не хватило ладошки обхватить его член, я провела по нему сверху до основания в попытке найти место потоньше, а он застонал и толкнулся внутрь. Но я, будто намертво зашитая, не впускала его в себя. Хотелось кричать и плакать. Он делал всё осторожно, а мне хотелось, чтобы он уже просто прорвал эту чёртову оборону моего тела! Пусть больно! Пусть потом будет плохо!

О, флаг Америки! Делай же уже что-нибудь со мной! Что ж ты медлишь?!

Я чуть не задохнулась, когда он наклонился и припал губами к моей шее, скользнул по ней, щекоча и волнуя кровь, прихватил кожу у основания и опустился ниже. Он жадно целовал и хватал ртом мои соски, сминал груди и чуть покусывал их. Его язык скользнул вниз по животу, прикусывая кожу на лобке и бедре. Я забыла дышать и невольно хотела сжать ноги, но мужчина подsunул руки под колени и развёл их, подхватывая меня под поясницу и приподнимая. Я лежала перед ним, распахнутая, а он...

...вобрал в рот мой клитор, обвёл его языком и заиграл его кончиком на головке, заставляя меня дрожать и всхлипывать. Он посасывал меня, постанывая, не переставая ласкать живот и бёдра, сжимать то попу, то груди. Его язык раздвинул и исследовал каждую нежную складочку, оглаживал

плоть и пробирался внутрь лона, губы скользили по моему вызывающе торчавшему безобразию. Я горела в огне похоти, стонала и гладила его жёсткие волосы, изнывая от предвкушения, разводя ноги ещё шире и подаваясь навстречу его языку и губам, ловя его тёплое дыхание...

...и забилась в его руках от сильнейшего оргазма, заставив и развратно прижимаясь к его рту промежностью, желая ласки в эти мгновения ещё сильнее.

Мужчина выпрямился и рванулся членом внутрь меня, мощно и резко, не давая мне пережить последние вспышки экстаза. Я лишь на секунду почувствовала боль, когда он порвал преграду, и улыбнулась — наконец! Он вошёл в меня туго, до упора, растягивая и наполняя собой, выскользнул и посмотрел на член:

— Ты... девочка? — Я кивнула и улыбнулась счастливая — так приятно распирала меня его плоть, и так странно смотрел на меня этот незнакомец. — Чудо-юдо, как зовут тебя?

— Тенесси Моори. Несси.

— Тебе больно?

— Пусть будет больно... теперь пусть будет, как хотите вы...

Он тронул вход в попу.

— И там ещё не... — Я мотнула головой. — Сколько тебе лет, Несси?

— Двадцать один.

— Это из-за него... — он приласкал пальцем мой недостаток. Я не ответила — он и так всё понял. И сделал мне незабываемо приятно. — Ты прекрасна, девочка. И клитор твой чертовски соблазнительный. Теперь держись, детка, я слишком долго терплю. И с живой я с тебя сегодня не сле-
зу...

Он больше не был нежен. Теперь он делал так, как хотел. И мне нравилось это. Он был в меру горяч и груб, не в меру несдержан. Он просил меня ласкать себя, и я не видела в этом ничего стыдного. Он вылизал меня с таким удовольствием, что уже смешно бояться трогать себя под его жадным пылающим синевой взглядом. Мне нравилось, что меня так сильно хочет мужчина. Что я не отвратительна ему со своим уродливым изъясном. И я расслабилась, чувствуя и сладость, и боль, наслаждаясь сексом впервые по-настоящему.

И от того горько было понимать, что это приключение закончится, когда он изольётся. И тогда я стану ему отвратительна, потому что доступна, потому что отдалась в туалете в первые же пять минут знакомства.

Но пока я отдавалась ему с жаром и желанием, наслаждалась контрастом его нежных поцелуев и грубого секса, стояла бесстыдно и отчаянно, пока снова не кончила так, что вскрикнула, но тут же прикусила губу и всхлипывала от расплывшегося по кровотоку желанного оргазма, распустившегося, как махровый огненный цветок — ярко, сочно, ослепи-

тельно, до вспышек перед глазами, до изнеможения, до головокружения, до всепоглощающей радости от того, что познала! Что осмелилась! Что отдалась! Что насладилась куда большим, чем могла бы представить!

О, флаг Америки!

Глава 3. Дайкири с малиной и перцем

Перегнёшь палку — получишь бумеранг

Оказалось, что в храме растления девственников мы с Несс пробыли почти час. Для самого первого раза девочка выдержала неплохо. Даже шла ровненько, только видно было, что у неё немного дрожали ноги. И к её удивительному аромату добавился запах секса.

— Несси, ты что-то должна бармену?

— Да, я рассчитаюсь...

— Отказать. Присядь, переведи дух. Я через минуту вернусь.

Я сознательно оставил девушку на диване недалеко от выхода из кафе — снова давал ей шанс уйти. Не знал о ней ничего, кроме имени, и нашёл бы её, даже не зная его. Но лишить её призрачного выбора не мог: я хоть и скотина, но порядочная — по общепринятым обществом критериям. Рассчитался за чай и её напиток, оставил чаевые за двоих и спросил, как называется то, что пила девушка: малиновый дайкири со светлым ромом и китайским жгучим перцем, присыпанный крошкой горького шоколада — фирменный рецепт ресторанного бармена.

Несс не ушла, хотя я тянул время. Вернувшись через пять

минут, увидел её там же, где оставил. Она встала, взгляделась в мои глаза, будто хотела прочесть мысли. Я подошёл к ней вплотную, прижал к себе за талию и, вдохнув аромат её волос, тихо спросил:

— Почему не ушла? Ты понимаешь, к кому в руки попала? Назови причину, почему ты ещё тут?

— Потому что никто не хотел меня, как ты. Достаточно веская причина?

— Более чем, — я коснулся её губ и добавил: — Сейчас мы едем к врачу, потом к тебе, потом в магазин и ко мне. Я дико голоден. И сегодня на ужин я ем девственниц.

— Праздничный ужин в День независимости? — Несси улыбнулась так очаровательно и искренне, что я схватил её за руку и крепко сжал, ужаснувшись мелькнувшей мысли.

— Несси, забудь о независимости. Само слово это выбрось из головы. Я давал тебе шанс уйти. Два раза. Для меня это слишком много. Ты им не воспользовалась. Теперь всё. Отныне, лохнесси, ты — моё пятиразовое питание.

Я потянул девушку за собой в машину. Устроившись на переднем сиденье, она смотрела в окно, пока я продирался сквозь город через осточертевшие пробки в клинику.

— Несси, расскажи мне... — протянул руку и залез ей под платье, коснувшись голой плоти.

Девушка повернулась ко мне.

— Что именно рассказать?

— Он всегда был таким? — Я пошевелил пальцем, огла-

живая клитор и нажимая на него. Несси сдвинула плотнее ноги, но мне подумалось, что от этого она только ярче чувствует. — Когда ты стала мастурбировать? — Я поймал смущённый взгляд девчонки и улыбнулся ей. — Этим все занимаются. Я в двенадцать лет испытал первый осознанный оргазм.

Моя откровенность вместе с пониманием, что я не отстаю, заставили её вздохнуть и сдавленно признаться:

— А я в семь лет. Правда, я тогда не знала, как это называется.

— Как это было?

— Я переела сладкого и... там... где ты шаришь рукой, всё обсыпало диатезом. Очень чесалось...

— Понятно. Дотёрла до того, что кончила, и тебе понравилось.

— Да.

— У меня всё было проще: я подглядывал за матерью, как она делает минет и прочит любовнику. Стал следить за их встречами, пристрастился мастурбировать. Ещё не было тринадцати, потерял невинность со старшеклассницей. Она тогда сказала, что мой член больше, чем у её ровесников, и трахались мы каждый день. Она мне и отсосала первый раз, я чуть с ума от счастья не сошёл. И второй. И ещё полтыщи раз — я её буквально преследовал. И кончал очень быстро. Она всё время боялась, что за соvrращение попадётся, только соvrращал её я, — улыбнулся, вспоминая легкодоступную

Аню.

— А говорят, что ранние мальчики перестают расти.

Я рассмеялся.

— Глупости говорят. У меня большой, и я большой. А ты маленькая. Тебя крутить можно, как угодно... — Я не переставал трогать её, чувствуя, как от откровенных разговоров и ласки она расслабилась и чуть раздвинула ножки. — Ты уже представила, как я буду тебя трахать? Держать на руках на весу и насаживать на член... — Несси, должно быть, залилась румянцем, судя по снова потемневшим щекам. А я добавил ей краски: — Порно смотришь?

— Н-нет...

— Да — по глазам вижу. Порно смотрят все, только стесняются это признавать. Ты наверняка искала кого-то с такой же особенностью. Я видел в порно-роликах таких, как ты, но не думал, что встречу когда-нибудь. Расскажешь, как представляла себя с мужчиной? Как он ласкал и трахал тебя в фантазиях? Я воплощу любые, Несси.

— Никита... — несмело начала девушка, — у меня нет страховки... Может, не надо к врачу? У меня не болит ничего. Только ощущение странное, будто дыра там, — девушке явно было неудобно, и она попыталась перевести разговор на более безопасную тему.

— Отказать. Сдашь анализы. Да и пусть посмотрит, не повредил ли я тебя. И дети мне не нужны... — От одного слова «дети» по спине покатился холодный пот. — Так что не

думаю манипулировать беременностью. Её и не будет — я позабочусь. А если вдруг — побежишь на аборт как миленькая. Хорошо запомнила?

Она кивнула. Я не стал больше расспрашивать ни о чём — времени впереди ещё много, всё успеется. Главное — девочка теперь моя. Пусть её ко мне привяжут деньги — этого добра полно. Больше мучил вопрос: лишить её комплекса неполноценности и наслаждаться развратной Несси, или, наоборот, поддерживать его в ней, вбить в голову, что это только я такой извращенец (я и не скрывал) и только мне нравится её торчащий, как член, огромный клитор? Хотя... Одно другому не мешает...

В клинику поблизости от моей квартиры на Пятой Аvenues мы приехали только через час: празднование Дня независимости затруднило движение. Рассел — ещё один мой друг и врач — принимал пациента. Я усадил Несси в кресло в холле напротив его приёмной и держал руку на её плече — почему-то опасаясь, что девушка сбежит. Но она сидела — немного напряжённая, — не предпринимая попыток ускользнуть.

Медсестра выглянула из кабинета и заулыбалась, проигнорировав мою спутницу:

— Никита, привет.

От этого панибратства и откровенного игнорирования Несси загуляли желваки, захотелось сжать её горло и припе-

чатать эту суку к стене. Никогда прежде она себе этого не позволяла, и что изменилось теперь, я даже знать не желал.

Линда годилась только для быстрого перепихона, но с завидным постоянством пыталась флиртовать со мной. Не было в ней никакой изюминки, а уж о такой, как у Несс, ей и мечтать не приходилось.

— Рассу скажи, я жду, — буквально почувствовал, как обморозил медсестру холодным тоном — редкий трах ещё не повод выпячивать огромную грудь. Накажу. Позже. Линда выпрямилась и скрылась за дверью с вытянувшейся от недовольства челюстью. Точно накажу эту челюсть, чтобы не зря отвисала. Сжал легонько плечо своей мулаточки и предупредил: — Я тебя оставлю с врачом. Заберу, как закончит осмотр.

— Ты уйдёшь?

Прозвучало так, что всколыхнулась жалость. Будто на растерзание своре похотливых мужиков её бросал.

— Мне надо кое-что здесь сделать. Если не увидишь меня на этом месте, просто посиди подожди.

— Хорошо.

Послушная девочка. И отчаянная. Сначала отдалась незнакомому мужчине, потом поехала с ним, несмотря на откровенные предупреждения, что её ждёт. Сейчас эскулап проверит её досконально, заодно в службу безопасности отправит данные.

Дверь кабинета открылась, вышел Расс.

— Рад видеть, Ник, — протянул руку, лучезарно улыбаясь. — Проходите, прошу.

Он посторонился, я взял вставшую девушку под локоть и подтолкнул вперёд в кабинет. Расс смотрел вопросительно.

— Вспорол. Сделай экстренное от беременности и посмотри, не порвал ли я её там. Ну и чистоту проверь — без предохранителя резвился.

— Прямо вспорол? Ей лет двадцать, — недоверчиво окинул стоявшую у стола Линды Несси — девушка отвечала на вопросы медсестры, заводившей ей электронную медкарту.

— Расскажешь потом, откуда такие чудеса берутся. И предохранители ей выпиши.

Расс недоумённо поднял брови:

— Чудеса? — Он снова окинул придирчивым взглядом мою спутницу.

— Увидишь, — я загадочно улыбнулся и предупредил: — Линду пока на чашку кофе заберу.

Расс прищурился.

— У тебя на «кофе» от силы минут пятнадцать.

Я ухмыльнулся и вошёл в приёмную вслед за другом. Несси выглядела растерянной, оглядывая недешёвую обстановку приёмной. Подошёл к ней, приобнял ободряюще за плечи и вдохнул аромат волос, так и не разобрав, что за оттенки его составляют. Малинка с горчинкой.

— Хочешь, я с тобой в кабинете буду, за руку подержу, пока эскулап тебя осматривать будет?

Несси подняла голову и дёрнула плечом, освобождаясь и следуя за доктором в его обитель.

— Нет, спасибо. Ты же сказал, у тебя есть ещё дела.

Я улыбнулся, дождался, когда девушка закроет дверь, и на пятках повернулся к Линде. Молча смотрел на неё с минуту, пока она не заёрзала под раздевающим её взглядом: большая грудь — слишком большая для её фигуры, узкие бёдра, выбеленные прямые волосы чуть ниже плеч, круглое лицо, большой рот, пухлые губы и... челюсть. Теперь она не отвисала от недовольства. На подбородке от широкой улыбки появилась ямочка, а от уголков глаз разбежались лучами морщинки — женщина примерно одного со мной возраста. На фоне Несси — пошлая бабища с рабочим ртом и вагиной. Меня всегда именно это и устраивало, но почему-то сейчас стало неприятно.

— Палата свободна?

Линда выдвинула ящик стола, достала ключ и подразнила фольгой с презервативом. Я усмехнулся — надрессировал, однако. Она встала из-за стола и прошла мимо меня, чуть задев плечом, хотя свободного пространства хватило бы разойтись двум слонам. Я вышел следом за ней, прошёл по коридору и свернул в знакомую палату — Расс вот уже девять лет несколько раз в год обследует меня, оставляя в клинике на сутки, а при необходимости и больше. Последний год в такие дни я и трахал Линду от скуки и отсутствия выбора — вызвать в палату девочек строгий друг категорически за-

прещал, а вот запретить своей медсестре и другу трахаться, когда им хочется — не мог.

Заперев за мной дверь, Линда присела на идеально заправленную кровать.

— Слезь с постели и раздевайся догола.

— Ты, как всегда, сразу за дело.

Ухмыльнулся и ответил:

— Да, задело.

Медсестра встала и начала расстёгивать сиреневый халатик, стаскивать с себя юбку и майку с широкими бретелями. Осталась в нижнем белье и подошла ко мне. Я молча наблюдал, как она проводила ладошками по моей груди и прессу.

— Ты всё такой же твёрдый... — она обвела языком нижнюю губу. — Разденешь меня дальше сам?

Смотрел на неё и понимал, что чувствую какой-то новый оттенок возбуждения — злое предвкушение.

— Я сказал — догола, — напомнил спокойно, игнорируя её попытки поцеловать меня.

Линда расстегнула застёжку лифчика — грудь тяжёлыми шарами выпала из него и заколыхалась: мягкая, белая, с большими коричневыми ореолами вокруг сосков. Наклонилась снять трусики, а выпрямиться я ей не дал: спустил штаны, вынул вечно голодный член и надавил на макушку женщины, вынуждая опуститься на колени передо мной. Собрал волосы на затылке в кулак и задрал голову, встав так, чтобы оказалась прямо подо мной — так глубже входить прямо в

горло, уже привычное.

Линда сама знала, что дальше: лизала и сосала, пока я не почувствовал, как накатила первая волна предвкушения.

— Надень резинку, повернись спиной и встань на колени.

Женщина послушно разорвала упаковку и раскатала защиту по члену, повернулась, задрав пятки и помотав передо мной голой задницей. Придавил за шею к полу, заставив развести согнутые в коленях ноги шире, и врезался внутрь мощно, ударившись бёдрами о ягодицы — хлипко внутри, тепло, и не тесно, как у Несси. Линда вскрикнула от боли, я врезал по заднице наотмашь, оставив отпечаток на белой коже, так, что медсестричка рванулась от меня, но не дал свободы — начал трахать её зло, яростно, глубоко и быстро. Линда вскрикнула, когда сгрёб в ладонь её плоть и оттянул слегка, перекатывая между пальцев. Передвинул руку, зажав ей рот и придавливая к полу лицо, повёрнутое вбок. Порол её нещадно и грубо, глядя на грудь, распластавшуюся на полу, на покрасневшую ягодицу, на затянувшийся возбуждением и болью взгляд. Женщина открыла рот, рвано дыша, и стонала, вскрикивая от мощных ударов. Отпустил голову и рванул её бёдра на себя, насадив до упора, и замер, снова ударил по красному отпечатку на ягодице, чувствуя, как вздрогнула Линда. Вытащил член и встал, дёрнул её, поворачивая лицом. Схватил за волосы обеими руками, притянул рот к горячей от похоти головке и вбился глубоко, не давая вдохнуть. Она упиралась в мои бёдра руками в попытке оттолк-

нуть, но я трахал в рабочее горло безжалостно, на весь свой размер, чувствуя, что предвкушение подкатывает медленно и лениво — увы, сатириазис[1] награждает лишь неуёмной похотью, но не делает неустанным трахарем. А кончить хотелось — лишь кончая я становился счастливым.

— Сука! Убери руки! — крутанул бёдрами, отцепляясь от коготков. — Хочешь, чтобы отпустил быстрее — делай что-нибудь!

У неё по щекам текли слёзы, когда я снова вбил в горло до рвотного позыва. Линда схватилась за мои яйца и начала массировать их и промежность, настойчиво лаская простату. Я прикрыл глаза, концентрируясь на слабых ощущениях предоргазма, и помогал себе рукой, плотно сжав член между пальцев, будто выцеживал из себя наслаждение. Когда оргазм всё же потёк к головке горячей струйкой, вжался в глотку Линды, насадив её рот на себя, и слабо истёк в резинку. Слабое удовольствие, никакого кайфа. Когда дрочу — и то ярче.

Отпустил женщину, и она, покрасневшая, задышала часто, хватая воздух. Только шагнул в сторону, натягивая штаны, и её вывернуло.

— Тебя тошнит от меня, а всё глазки строишь, титьками трясёшь, — я стянул презерватив и бросил на пол. — Прибери тут. А потом чтоб я тебя здесь не видел. Уволена.

Прижимая к себе висящие груди, Линда прохрипела, откашливаясь и всё ещё сдерживая тошноту:

— Не надо, пожалуйста!

Подошёл к ней и схватил за щёки, поднимая лицо. Наклонился низко и зло процедил:

— Ты же не думала, что можешь разговаривать со мной, как с дворовым ёбарем? Забыла, на кого работаешь? Или, торгуя пиздой, решила, что можешь не обращать внимания на клиентов клиники? Скажи спасибо, что волчий билет тебе не выписываю... Ну? Я не слышу!

— Спасибо, — прохрипела Линда, и я оттолкнул её так, что она села голой задницей в свою блевотину.

Встал, подошёл к раковине, схватив попутно полотенце, вымыл руки и ушёл, оставив дверь нараспашку.

Несси сдала все анализы, прошла осмотр и получила противозачаточные. Я оставил её в том же кресле, где она ждала приём, а сам прошёл с другом в его кабинет.

— Ну что скажешь?

— Врачебная тайна. Помнишь? — Я поморщился, Расс усмехнулся и снизошёл: — Клиторомегалия. Порок развития в процессе половой дифференциации эмбриона с отклонениями в сторону интерсексуальности, бывает у очень малого процента женщин. Скорее всего, она бесплодна, и у неё повышенное либидо... — Я улыбнулся. Мы с тобой одной крови, Несси, ты и я. — ...Такая аномалия сопряжена с серьёзными патологиями внутренних органов. Я назначил ей полное обследование, она хочет сделать пластику...

Я не успел обрадоваться, что Несси тоже любит трахаться, как друг решил испортить мне девочку.

— Отказать. Я её трахать собирался, а не лечить.

— Она может обратиться в другую клинику...

— У неё нет страховки.

— Зато у тебя есть член, чтобы её трахать.

— Расс...

— Ты спустил миллион на проституток...

— Я собирался её просто трахать... — напомнил на всякий случай, пресекая нравоучительную нотацию.

— Иди трахай, — почему-то рассердился друг. — Зачем тогда привёз её сюда? Раньше за тобой такого не водилось.

— Мне нравится её клитор! — решил я признаться, почему против операции. Такую красоту портить!

— А ей?

Быстрая словесная перепалка закончилась, потому что я знал ответ — ей не нравится. Очень не нравится. До комплекса неполноценности. А я козёл, но не конченная сволочь. Настроение кануло в глубокую клоаку. Расс похлопал меня по плечу и заметил:

— Линда долго пьёт «кофе»... — посмотрел на меня вопросительно, выглянув в приёмную.

— Она захлебнулась желчью, и я её уволил... — Расс сложил удивлённо брови домиком, я пояснил: — Это было непрофессионально — косо смотреть на клиента клиники.

Теперь я похлопал друга по плечу и вышел. Эта клиника

— часть моего бизнеса, я могу уволить кого угодно, когда угодно и за что угодно. И право последнего слова и хлопка по плечу всегда остаются за мной.

Несси назвала адрес мебелированной комнаты в Бронксе недалеко от стадиона «Янки». Я хорошо знал эти постройки сороковых годов. Девятиэтажные, будто сбившиеся в стайку, совершенно ничем не примечательные дома из жёлтого кирпича. Эту сторону Манхеттена я узнал тоже быстро: трущобы здесь перемешались с фешенебельными кварталами, и тёмная сторона Америки так проявилась — молодых и старых за чертой бедности тут оказалось много, бомжи встречались чаще, чем я привык видеть в Москве, и вот их, а не гологрудых девах, гоняла и гнобила полиция. Уже позже, путешествуя с отцом по штатам, я понял, что в США только некоторые города подпирали стратосферу небоскрёбами. Нью-Йорк, Чикаго, Вашингтон, Лос-Анжелес, Хьюстон, Финикс, Даллас... Это для космополитов. Для американского народа страна в основном высотой в два этажа и далеко не такая сияющая благополучием, как знаменитые огни Манхеттена.

Я размышлял об этом, пока ехал к дому Несси, чтобы не думать о том, что девушка решится на операцию. Мне не хотелось затрагивать эту тему. Я злился на неё за её клитор, так и стоявший перед глазами и вышибавший дух от накатывавшего жгучего желания его рассматривать и трогать. Успеется. Вот надолго ли? Злился на Рассела, хотя он-то как раз

всё делал правильно. Никогда я не таскал к нему женщин, которых трахал. Я злился на него за его человеколюбие.

В сердцах рубанул по рулю, испугав мою мулаточку. Кому я вру? Никто не знает о моём проклятом голоде, кроме Рас-са и Джейка. Кому я мог ещё доверять, как ни проверенным друзьям и моим врачам, один из которых держит в относительном здравии мою психику, а второй тело?

Я взял ладонь Несси и сжал, не выпуская до самого дома. В Бронкс приехали только через полтора часа — объезжал по узким улочкам праздничное шествие, то и дело натыкаясь на мобильные и концертные площадки и подмостки.

И призрачное решение вдруг появилось, когда я вошёл в комнату Несс.

Аккуратно застеленная старым покрывалом односпальная кровать, на окне бежевые с мелким цветочком и клеточкой занавески, собранные и завязанные лентами, стол с выдвижным ящиком и навесные полки над ним с книгами и дисками, кресло с деревянными ручками — настоящий раритет, отлично вписалось в обстановку. Раковина и два стола-тумбы, на одном плита с двумя конфорками, на втором пачка чая и кофе, бутылка орехового масла, сахар в стеклянной банке, что-то завёрнутое в бумажный пакет. Холодильник старый, когда заработал, завибрировал так, что в нём что-то забрякало. Открыл: галлон молока, хлеб и сыр на тарелке, две охотничьи колбаски и три бутылки светлого пива, дешёвого, как и всё вокруг. На дощатом полу старое лоскут-

ное одеяло с аппликацией — чёрной кошкой. Над кроватью — ловец снов. На стене напротив — календарь и американский флаг.

Меня долго удивляла и раздражала привычка американцев везде вешать эту тряпку: на зданиях, в домах и на улицах. Потом привык и перестал замечать, а тут вдруг он бросился в глаза, и я снова разозлился: такая нищета и убогость и туда же — ура, Америка! Тьфу.

Несси стояла и наблюдала, как я внимательно осматривал её комнату. Подошёл к полкам и провёл пальцем по корешкам — учебники, американская классика, фэнтези. Диски тоже не удивили: мелодрамы, комедии и апокалипсисы. Будто ей личного конца света мало. На столе лежал ноутбук — устаревшая машинка.

— Так понимаю, что особенно взять с собой тебе нечего...

— А что нужно?

— Ничего. Поехали.

— Куда?

— Трусы тебе куплю в качестве компенсации.

— У меня есть...

Несс бросилась к шкафу у кровати, я наблюдал, как она вынула хрустящий пакетик и достала кружевную тряпочку. Я подошёл и забрал пакет из её рук, сунул в него нос, почувствовав знакомый уже аромат — так же пахла её кожа и волосы.

— Чем пахнет? — подняв взгляд на девочку.

— Мыло... духи... Я сама делаю.

Я приподнял брови — неожиданно и... близко мне.

— И волосы... — притянул её за шею ближе и шумно втянул их аромат. Нежный и свежий, снова что-то напомнивший такое, что ненасытный член заныл, вызывая в душе привычную заскорузлую злость и зубовный скрежет.

— Масла... — Несси показала на полку в шкафу с бутылочками, тюбиками, баночками и ровной стопкой кусочков мыла ручной работы.

— Всё забирай с собой.

Мне нравился запах девчонки, он поднимал не только член, но и что-то в глубине души. Я только сейчас понял, что всё тут пропиталось им — так запомнился аромат самой девушки, что не слышал его в комнате. Она достала пакет с ручками, сложила в него несколько своих алхимических склянок и закрыла дверцу шкафа. Постояла несколько секунд, поставила его на стол и быстро натянула трусы. Выпрямилась и посмотрела на меня. Снова тот же смущённый взгляд и потемневшие щёки. Моя ты сладкая...

— Поехали? — спросила так, будто не хотела больше здесь находиться, и посмотрела на меня таким взглядом, будто я увозил её на электрический стул.

В душе рыкнула ярость — я не маньяк, кровь девственниц не пью... Хотя кто меня знает...

— Поехали, — взял её за руку решительно, повёл из комнаты, но в какой-то момент обернулся и ободряюще улыб-

нулся.

[1] Сатириазис — патологическое повышение полового влечения у мужчин в виде постоянного чувства полового голода и безудержного стремления к половым сношениям, готовность к сексуальным реакциям под влиянием даже незначительных (хотя и адекватных) внешних раздражителей. Жизнь такого мужчины постепенно превращается в ад. А секс является самой главной целью в жизни. Часто состояние, которое испытывает человек при сатириазисе, сравнивают с ломкой у наркомана. Наркоману, чтобы справиться с ломкой, нужно вколоть себе очередную дозу, а человеку, который болен сатириазисом, нужно всего лишь с кем-нибудь заняться сексом. И совсем неважно, с кем и где. Сатириазис у мужчин наряду с нимфоманией у женщин является одной из форм гиперсексуальности. Для страдающих сатириазисом характерна частая смена сексуальных партнёров и отсутствие длительных сексуальных связей. Привязанность мужчины к своей «проблеме», приводит к психологическим отклонениям, таким как замкнутость, неконтролируемая агрессия, бисексуальность, фетишизм и т.д.

Глава 4. Хрусталь в огнях Лонг-Айленда и Манхеттена

— У меня сегодня отличный день! Отпразднуй это, Маури.

— Я видел ваш «день», сэр. Он действительно отличный! То, что вам нужно.

Девчонку надо хотя бы накормить. Но сначала заехать в магазин — я не хотел видеть её в сером халате, что висел на спинке кресла в её комнате. Ей серый вообще не к лицу. Да и нижнее бельё на ней я представлял совсем другое, а не то, что видел в пакетике с логотипом дешёвого сетевого дисконта. У Несси фантастически идеальное тело, красивая гладенькая промежность, грудь — глаз не отвести, рта не оторвать. Девочка подобна гиацинту — мистически притягательна и непонятна: тверда в желаниях — как камень, нежна и трепетна — как цветок.

Вспомнив крупные соски Несси, я подивился: надо же, как распорядилась природа — всё самое интимное у неё аномально большое. Эта маленькая женщина просто создана для секса и наслаждения, а оказалась девственной. Выходит, не такой уж я и козёл — судьбе и меня охота побаловать. Но я не стану для Несси подарком. Я хотел засыпать и просыпаться с ней, и у меня в этом совсем другой интерес, чем

ей могло бы показаться. Но я компенсирую ей эту разницу взглядов.

Настроение немного поднялось, уже не такой неотвратимой казалась её операция. Нужно поговорить с Рассом обстоятельнее, а что предложить девочке, я уже догадывался. После визита в её каморку уже точно знал, что это сработает.

Деньги. Они срабатывают всегда. Всё дело лишь в их количестве. Но и тут не проблема: девяносто пять процентов людей не способны оценивать свой труд и соглашаются получать в разы меньше, чем стоят — машина пропаганды патриотизма и самоотверженности даёт плоды: рабы воспитывают рабов для системы, патриотизм держит их в узких рамках и страхе, а искусственно созданная нищета заставляет работать на карман остальных пяти процентов. Налоги, бумажная волокита, судебная система, условия для малого и среднего бизнеса... Всё это прутья клетки, в которую загнана рабсила. Уважают только капитал. Не людей, которые его имеют. Представители тех пяти процентов признают ум и наглость, способность давить конкурентов и не быть сентиментальным. Экономические форумы — сходки, на которых устанавливаются и подтверждаются права прайдов и очерчиваются границы боро[1].

До торгового центра «Marshall» на Америкен Авеню доехали достаточно быстро. Выбрал этот магазин из двух соображений: брендовые вещи стоят дёшево — вещи от Кельвина Кляйна от пятидесяти долларов, сумки от Майкла Корса

— от ста, а туфли от Иванки Трамп — около семидесяти. На данном этапе нашего общения с Несси это самый нормальный вариант. Больше — после важного для меня разговора. Припарковавшись, я вышел из машины, Несси выскользнула следом.

— Никита... Мне неудобно...

— Трахаться с первым встречным было удобно? — Она дёрнулась от моих слов, но я уже держал её под локоть и вёл к одному из входов в торговый центр. — Хотя, наверное, неудобно, — заключил, вспомнив, как приходилось сгибаться девушке на плите около раковины. — Несси, давай договоримся на берегу: я тебя трахаю, ты расслабляешься и получаешь удовольствие. Причём не только от секса. Сейчас ты получаешь удовольствие от покупок, чуть позже от ужина, а потом снова от меня. Я понятно говорю?

— Да! — прозвучало порывисто и отчаянно.

Но будь я ещё трижды проклят, если в её голосе не было возбуждения и радости! Детка хочет меня — это понимание ударило в пах горячей волной, хоть снова тащи её в туалет. Но это даже для меня перебор — нельзя так с девственницами.

— Тогда улыбнись. — Остановился и поднял подбородок девушки, она неуверенно улыбнулась, я поцеловал её губки и окинул взглядом витрины шоу-румов. — Нам сюда, — обнял девчонку за плечи и вошёл с ней в аутлет[2].

Горки со стопками аккуратно сложенных вещей, корзи-

ны-накопители с горами шмоток по бросовой цене от сорока центов до десяти долларов; вешала, плотно заполненные брендовой одеждой на плечиках; стеллажи и подсвеченные прилавки с обувью и аксессуарами; по всему периметру кронштейны с огромным выбором одежды для холодного сезона — и все это не создавало хаос, несмотря на разномастные примерочные кабинки и диваны со столиками, заваленными каталогами представленных брендов. Взглядом нашёл линию Abercrombie & Fitch[3] и целенаправленно двинулся к стилисту.

— Могу быть полезен? — спокойно с выверенной дозой любезности спросил юноша лет двадцати пяти — приятный афроамериканец в кирпично-рыжей свободной рубашке, тёмных свободных штанах, клетчатом шейном платке и жилете ему в тон.

— Можешь. Девочку упакуй по наивысшему ценнику. — Звучало бы солидно, не будь это сказано в аутлете.

Парень кивнул, жестом и наклоном головы выразил Несси расположение ровно столько, сколько она заслуживала — весь её прикид из одного платья примерно за восемнадцать долларов он оценил сразу, но учтивости выдал ровно пополам от нашей общей «стоимости».

Я присел на диван и взял журнал мужской моды, настроившись ждать. Впрочем, стилист своё дело знал хорошо, и уже через пятнадцать минут Несси вышла показаться в первом наряде, следом во втором... шестом — меня всё устраи-

вало, малышка была рада, судя по лучившимся золотым светом глазам. Кучу бумажных пакетов с одеждой, обувью и аксессуарами она несла сама.

— Спасибо, Никита! Я даже не знала, что брендовые вещи можно купить так недорого. Я бы могла часть оплатить сама...

— Отказать. Теперь, как обещал, за трусами.

Я взглянул на часы — вечер уж наступил, пустой желудок рычал, а вечный спутник — сатир в моих штанах — заставлял поглядывать на девушку чаще и дольше, что лишь больше возбуждало желание. Я повёл её в дисконт провокационного женского белья «Agent Provocateur» и сам выбрал кроваво-красный, белый, очень светлый голубой и персиковый комплекты — эти цвета на тёмной коже моей спутницы должны смотреться соблазнительно. Разнообразие моделей разной степени открытости горячили кровь, поэтому примерять я ничего не позволил, а Несси, глядя широко распахнутыми глазами на фривольные тряпочки, по-моему, потеряла дар речи и только теперь до конца поняла, что её ждёт. А я предупреждал. Но бельё ей нужно было и повседневное, как и домашнюю одежду, поэтому пришлось зайти в соседний «Id sarrieri»...

Через полчаса я вёз её в свои апартаменты на Пятой Аве-ню. Экен, мой шеф-повар, сегодня отдыхал — я ведь собирался провести уик-энд в особняке в Нью-Джерси, но на ужин в холодильнике наверняка что-то найдётся. Не хоте-

лось дальше тянуть время и размениваться на кафе. Хотелось сжать эту хрупкую девочку в руках и насаживать её на член, для начала — неторопливо и ласково, кормить её с рук, так, чтобы она облизывала мои пальцы, а потом и неистового зверя.

От этих мыслей он поднялся, а я снова бросил взгляд на Несси, уже не такую испуганную и напряжённую — покупки явно примирили её со своей участью, по крайней мере, на этот вечер. Ох, женщины... Они не продаются, но в качестве благодарности отсосут и отложат. Я мысленно ухмыльнулся. Или она считает, что я ей должен за то, что вспорол? Хотелось смеяться, я отвернулся, чтобы обуздать веселье и спрятать улыбку. Деньги решают всё. Исключений не бывает. Их быть не может. В мире, где всё за деньги, иного быть не может. Хоть вы тресните...

Отец продал дочернюю компанию в Канаде, чтобы купить пентхаус с панорамными видами на судоходный Ист-Ривер и Центральный парк. Однажды мы сидели с ним на траве, поедали сэндвичи с Кока-колой, и он спросил, где на Манхеттене я бы хотел жить. Я указал на небоскрёб, верхушку которого часто разглядывал, лежа на траве, пока отец работал. Он присвистнул, но уже через два месяца купил в нём апартаменты.

Пентхаус[4] занимает полторы тысячи квадратных метров на сто семьдесят девятом этаже башни премиум класса. Крытый бассейн, теннисный корт и зимний сад на крыше,

как и яхта за миллион долларов с пожизненной арендой до-
ка, два билета на путешествие в космос и три автомобиля
— «Роллс-Ройс Фантом» один с откидным верхом и один
крытый, и «Ламборджини Авендатор Рoadстер» — входили
в стоимость.

Несси, едва вошла в огромный холл, замерла и слегка
задрожала. Да, девочка, в двенадцати комнатах с ванными
можно заблудиться, но негде спрятаться — система суперум-
ного дома найдёт везде.

Маури — дворецкий — появился бесшумно, попривет-
ствовал быстрой улыбкой меня и чуть заметным поклоном
девушку и застыл в ожидании. Я взял ладонь Несси и прижал
к панели. Сканер срисовал её отпечаток и развернул план
дома. Я обозначил недоступные госте зоны и подтолкнул её
к невидимой непосвящённому круглой платформе.

— Разувайся и стой спокойно, — сказал и подождал, пока
девчонка скинет босоножки, за локоть поставил на круг и
запустил сканер: — Гость. Допуск шесть.

Платформа чуть подняла девушку, узкий луч сканера кос-
нулся её макушки и распался по поверхности тела Несси,
разделив его на мелкие квадраты и формируя слепок. Всё
заняло ровно четыре секунды. Платформа так же бесшумно
опустилась, голубоватый свет под ступнями ошарашенной
девочки погас.

Маури уже исчез вместе с покупками.

— Несси, расслабься. Я не ем людей, даже со вкусом ма-

лины. И это не тюрьма строгого режима. Ты у меня в гостях, а это обычные меры предосторожности.

— Обычные?! — и без того большие глаза девушки округлились.

— Пойдём, я покажу твою комнату.

— Как... комнату?

— Каждому нужно личное пространство. Мне тоже. Или ты думала, я привезу тебя, накормлю ужином, потрахаю и ты уберёшься восвояси? — Я по её глазам видел, что именно этого она и ожидала. И страх в её тёмных глазах просто кричал — «Отпусти!». — Несс... — я обнял девушку за плечи и постарался говорить ласково, увлекая её к комнате, — нам есть что обсудить. — Не бойся меня. Я люблю секс, но я не маньяк и не извращенец. Ты будешь живой и здоровой — это я тебе гарантирую. — Пакеты с покупками уже стояли у комода. — Ванная там, — я кивнул в сторону двери в углу большой комнаты с кроватью посередине, — обвыкайся. Я пришлю за тобой через... полчаса. И не раздевайся как на праздник. Халата достаточно.

Оставив девушку одну, я закрыл за собой дверь и отправился в свою спальню, зная, что Маури ждёт распоряжений насчёт гостя. Он стоял там, где я ожидал его увидеть.

— Маури,образи что-нибудь перекусить, через полчаса проводи гостя в малый зал и можешь отдыхать.

— Я не перетруждаюсь, сэр. Накрыть панораму?

— И дождь закажи, — я хохотнул, стягивая рубашку.

— Доставка погоды длится двое суток. Вас устроит такое ожидание, сэр Никита? — со смешинкой в глазах учтиво спросил негр.

Я рассмеялся:

— Готов даже три дня подождать, если лить будет не меньше суток. В этом году обувь прилипает к асфальту.

— Я сейчас же займусь заказом непогоды. Могу идти, сэр Никита?

— И возьми себе бутылочку чего-нибудь. У меня сегодня отличный день! Отпразднуй это, Маури.

— Я видел ваш «день», сэр. Он действительно отличный! То, что вам нужно, — дворецкий чинно откланялся и, заложив руки за спину и насвистывая что-то весёлое, удалился.

Маури проводил со мной много времени, пока отец работал, и я был предоставлен сам себе. Старый афроамериканец научил меня английскому, сам выучил русский, и мы часто беседовали, смешивая языки. Я, бывало, хохотал до колик в животе, когда он смешно оттопыривал нижнюю губу или смешно сворачивал язык, чтобы повторить какую-нибудь фразу. Мужчина, теперь уже с сединой на висках и бровях, стал моим первым другом. У него не было семьи, отношения у нас сложились простые, но когда в доме посторонние или мой отец, он — сама вышколенность, это у него как-то само собой появлялось. Меня сначала корбило от «сэр» и манер, особенно когда он так обращался ко мне — тогда

ещё мальчишке, потом я перестал обращать на это внимание. Наверное, он и повар Экен — единственные люди, которых я мог назвать родными. Матери до меня не было особого дела, отец метил в президенты в России, но круто взошёл в Штатах, опровергая утверждение «где родился, там и содился».

Следующие пятнадцать минут я провёл в душе. После надел трикотажные домашние брюки и пошёл в малый зал. Маури уже заканчивал накрывать низкий столик у панорамного окна с видом на пролив Ист-Ривер и скáйлáйн[5].

— Никита... — только Маури произносил моё имя, делая ударение на каждую гласную, будто перекатывал его на языке, — звонил Рассел Краш, просил передать одно слово: «Хрустально».

— Спасибо, Маури

Дворецкий отправился за Несси, а я подошёл к бару и достал бутылку охлаждённого виски и красного выдержанного вина. Оно прекрасно дополнит аромат девочки и немного расслабит её. А меня расслабит она. Я плеснул на два пальца смоляной жидкости и сыпанул несколько крупных осколков льда — кубики мне никогда не нравились, и лёд для напитков в этом доме замораживали куском и просто кололи. В часы одиночества мне нравилось сидеть со стаканом виски, рассматривать, как они тают, принимая причудливые округлые формы, и находить в них какие-то ассоциации.

Хрустально. Это как лёд в бокале — красиво и чисто, почти священно. Друг выбрал ёмкое слово. Ёмкое для меня. И

только мне понятно его полное значение. Расс слишком хорошо меня знает.

Я залпом выпил виски и поймал губами большую ледышку. Согрел её во рту, глядя, как ступает по выбеленному дубовому полу Несси, вытягивая шею, заглядывая на пролив. Негрочка моя, ты сегодня вдоволь насмотришься на огни Лонг-Айленда и Манхеттена.

Лёд почти растаял. Хрустально-чистый и беззащитный. Растворился без следа, и я выпил бодрящую влагу до капли, слизнув последнюю с губы.

Маури бесшумно ретировался, погасив везде свет. Только полная Луна светила в панорамные окна, освещая столик с закусками у низенького широкого дивана и двух кресел.

— Нравится?

— Да. Я однажды была на крыше Рокфеллер-центра вечером, в Рождество, вид оттуда тоже потрясающий. А тебе, наверное, уже это привычно?

Пока девушка любовалась огнями большого города, я подвинул кресло ближе к окну. Потом придвинул стол и поставил второе кресло с другой стороны.

— Нет, Несси, к красоте нельзя привыкнуть. Ведь не зря говорят, что можно бесконечно смотреть на воду, огонь и небо. У меня три в одном. Кстати, камин тоже есть, но био — я не любитель живого огня в квартире, поэтому свечи тоже вряд ли не водятся. Уж извини, — развёл руками, не улыбувшись даже уголками губ. Мне предстояло поговорить с

Несс серьёзно, я настраивал её на нужный лад. — Садись, давай поедим уже, живот сводит от голода. — Я не лукавил, просто не уточнил, что мой голод двояк и коварен. — Не стесняйся.

Я не стал ухаживать за Несс — пусть сама берёт, что ей нравится. Все эти правила этикета вызывали во мне отторжение, хотя по большей части им приходится следовать. Я считал, что девушкам гораздо проще адаптироваться и расслабиться, если они сами хозяйничают за столом, ведь это привычная их функция. Все эти «что тебе положить, дорогая» только увеличивают дистанцию, заставляют женщину соответствовать: не капнуть, не пролить, не уронить, не брякнуть вилкой по тарелке — вести себя, словно неживая. Женщины инстинктивно желают заботиться о мужчине — и я предоставляю им эту возможность всегда и везде без лишних заморочек этикета.

Несс убрала за ухо длинную прядь и наклонилась рассмотреть невеликий выбор блюд: запечённая белая рыба со спаржей под яблочно-лимонным соусом, рис со специями и медовым подливом, сырная тарелка и лёгкий салат с орехами, руколой и белым мясом под заправкой из авокадо с белым вином...

Я наполнил бокал девушки, налил себе виски и поднял стакан:

— Тенесси... Так же называется штат Америки и марка виски, а ещё химический элемент и легендарное чудо-юдо.

Тень... Несси... Имя прохладное и пахнет... Вот как ты. Я плохо разбираюсь в цветах, но почему-то на ум приходит жасмин и ландыш, или пион.

— Ты, Никита, поэт просто, — девушка отправила в рот кусок рыбы, макнув его в соус. — Я родилась в штате Теннесси в Колумбии, в честь него меня и назвали. Мои родители и брат живут там. Отец работал на алюминиевом заводе, но его закрыли из-за увеличения таможенных пошлин на ввоз сырья из Китая, а следом закрыли и местную ГЭС, которая обеспечивала этот завод энергией. А на нём работала моя мама.

— А брат?

— Ему шестнадцать. Трудный подросток.

— Учишься?

— Окончила в Юте двухгодичный колледж и приехала в Нью-Йорк работать.

— Где?

Девушка замолчала, припав к бокалу с вином.

— Сейчас нигде. Но это временно! — добавила поспешно, бросив на меня виноватый взгляд.

— Несс... — я сделал паузу, глотнув виски и уставившись за окна на огни морского порта, — ...могу спросить у Рассы, но лучше, если ты сама расскажешь, что показал осмотр.

Девушка поправила полы короткого халата и вцепилась в отвороты воротника, будто сама себя взяла за грудки — видно, что ей непросто решиться на откровенный разговор

о своей особенности. Я не облегчал ей задачу. Просто ждал. Несси постаралась скрыть глубокий вдох, но я видел, как приподнялась её грудь и будто сдулась — моя гостья съёжилась в кресле. Но заговорила:

— Ещё не знаю. Он сказал, что такой... развивается из-за патологии надпочечников.

— Расс проведёт обследование, проконсультирует тебя. Но, Несси... косметическая операция ведь не решит возможных проблем со здоровьем.

— Она решит все другие проблемы... — еле слышно прошептала девушка.

Я видел, что её забила крупная дрожь.

— Какие «другие», Несси? — спросил это тоже тихо и как мог ласково.

Это был тот самый момент, когда она или доверится — и я помогу, или захлопнется, как раковина. Выбор за ней. В туалете в кафе я дал ей понять, что со мной можно и нужно быть собой.

— Я... смогу купаться среди людей. Загорать на пляже...

— Встречаться с мужчинами и не стесняться своего тела — так, Несси? Ведь в этом главная проблема?

— Да!

— Почему ты решила, что у тебя вообще есть такая проблема? Что с тобой случилось, Несси?..

Я подлил в бокал вино, присел на корточки перед ней и развязал поясok халата, распахнул его и задохнулся от

неожиданности — девушка оказалась без нижнего белья. Подтянул её к себе, подхватив под бёдра и опустившись перед ней на колени. Член стремительно наливался кровью, болезненно пульсируя. Я смотрел на промежность гостыи, с удовольствием наблюдая, как девушка трепещет, то сжимается, то старается расслабиться под моим взглядом. Раздвинув её ноги шире, закинул на мягкие подлокотники. Медленно провёл языком снизу до уже набухающего клитора.

— Рассказывай, Несс... — прошептал, склонившись к её нежной девственной плоти и, согрев дыханием, вобрал в рот и обвёл языком, балуя кончик, быстро твердевший от ласки. Девушка молчала. Я ощутило сжал пальцами её ягодицы и снова потребовал: — Говори! Не думай о том, что я делаю. Говори и чувствуй!

Она попыталась отодвинуться, но я не дал и снова вобрал в рот клитор, всосав его сильно, так, что Несс застонала и схватилась за мою голову, рванувшись всем телом в попытке сесть. Я надавил на её живот и ослабил ласку, облизывая твёрдый стержень и чуть дуя на него. Она упала в кресле и тихо сказала:

— Он всегда был большим... Когда училась в колледже, встречалась с парнем...

— Ты любила его?

— Да...

Я гладил нежную кожу внутренней стороны бёдер девушки, потом закинул её ножки себе на плечи и впился губами в

её лоно, просовывая язык внутрь. Она дёрнулась и застонала.
— Он делал тебе так, Несс?..

Приподнял её поясницу и втянул в рот её складки вместе с клитором, немного пососал и облизал. Я чуть отпускал и снова ласкал до боли, заставляя девушку стонать и шипеть, будто её обжигала моя ласка. Мышцы её живота сокращались, когда я усиливал напор, и она подавалась навстречу. Я помнил, что сказал Расс, но хотел услышать её крик, и ласкал жарко и жадно, заставляя её извиваться и хватать меня за волосы.

Отпустил на миг и снова спросил:

— Он делал тебе так?

— Он посмеялся надо мной! — всхлипнула она так отчаянно и надрывно, что сжалось в груди.

...и я снова с жадностью впился в её плоть, перекатывая складки во рту и облизывая, чуть сжимая губами клитор и отсасывая его, как чуть позже она отсосёт мой член. Поднимал её попу навстречу движениям, впившись в ягодицы пальцами, чуть разведя их. Я ждал её крик, а она лишь шипела и вилась в моих руках. Тогда я просунул язык внутрь неё и чуть прикусил нежные налитые губки, втягивая их в рот и просовывая палец ей в попу. Несси дёрнулась и вскрикнула. Я отпустил её совсем. Только ноги её остались на моих плечах. Она пульсировала желанием, кусала губы и шипела. Притихла, видимо, понимая, что мне что-то не нравится.

— Несс... Он посмеялся над тобой, потому что не лю-

бил и просто нашёл повод поиздеваться. Он — баран... — Я вспомнил, что сам козёл, и усмехнулся — везёт девчонке на скотов. — Я хочу делать тебе приятно, но ты шипишь и отталкиваешь меня. Тебе не нравится?

— Мне... немного больно.

— Но ведь приятно?

— Да...

— Так кричи, Несс! Я буду кричать от удовольствия, когда ты будешь трахать меня. Ты ведь будешь меня трахать, Несси?

— Д-да...

— Ты не видишь, не чувствуешь, что я хочу тебя вот такую, с торчащим, как член, клитором?

— Я... не знаю. Да, тебе нравится. Но ты — не все.

— Хочешь нравиться кому-то другому? У тебя есть кто-то? — мелькнула мысль.

— Нет!

— Тогда не шипи. Наслаждайся. Я хочу тебя, ты скоро почувствуешь, как сильно я хочу тебя, моя вкусная Несси...

Я больше не делал ей больно. Вылизывал её нежно и тягуче, а она больше не шипела, а стонала так, что член рвался из штанов, рискуя взорваться от острого желания ворваться в неё. Но долг платежом красен. Я хочу её губы на головке, почувствовать её дыхание и насаживать её рот на член.

Снова облизал клитор, заиграл на его кончике языком, быстро-быстро, нажимая на плоть вокруг него и раскрывая

складки, оголяя его до самого основания. Несси забилась под лаской, потеряла дыхание, дёрнулась навстречу и, наконец, закричала и рывками, не контролируя себя, задвигалась навстречу моему рту, когда я, усиливая и продляя её оргазм, сосал её клитор.

Я чуть не кончил от её крика, протяжного, с охами и придыханием, с крупными слезами из глаз и почти конвульсивными судорогами. Подул на её мокрую плоть, успокаивая и давая девушке вернуться в реальность.

— Кричать — это здорово. От этого оргазм сильнее. А теперь, Несси, сделай мне то же самое...

[1] Боро (англ. Borough) — единица административного деления города Нью-Йорк. Боро Нью-Йорка: 1. Манхэттен, 2. Бруклин, 3. Куинс, 4. Бронкс, 5. Статен-Айленд

[2] Аутлет (Outlet) — На прилавках аутлетов можно найти не только одежду, замеченную недавно в бутике, но и коллекции, не поступившие в магазин. В чем его отличие от дисконта и стока? Дисконт — это магазин нераспроданных посредниками коллекций прежних сезонов одного бренда, сток — невыкупленная посредниками у производителя коллекция, а аутлеты могут быть мультибрендовыми магазинами с демократичными ценами, куда привозят вещи с дисконтов и стоков.

[3] Abercrombie & Fitch (Аберкромби и Фитч) — культовая американская торговая марка знакома даже людям

крайне далёким от мира моды. Бренд уже отпраздновал столетний юбилей. Одежда этой марки яркая, вызывающая, дерзкая, молодёжная, преобладает стиль *casual* — повседневный, свободный, лёгкий, универсальный, подходящий для мужчин, женщин, детей и подростков.

[4] Пентхаус — многокомнатная двухэтажная квартира на верхних этажах дома, выходящая на плоскую крышу. Вход в пентхаус отдельный — обычно это собственный лифт. Почти в каждом пентхаусе есть небольшой зимний сад, часто бассейн, смотровая площадка.

[5] Скайлайн (ударение на обе «а») — линия города; урбанистическая панорама или вид на город со стороны. Вид на город сверху не является скайлайном. Основу скайлайна составляют доминирующие небоскрёбы.

Глава 5. Ночью легче продаются души дьяволу

Утро, погоди, я еще не лег!

Я поднялся и снял штаны. Несс села на край кресла, всё ещё дрожа от слабости — я выпил её досуха и хотел того же ощущения от неё. Нереального для меня, но я почему-то надеялся...

Понимая, что первый раз ей может быть трудно преодолеть себя и принять мой запах, взял бокал с вином и тонкой струйкой полил на свой лобок и член. Капли текли по нему, срывались с головки и катились по яйцам. И от прохладной, чуть пощипывавшей влаги он вздрагивал.

Это была пытка — кусачая прохлада на горячую плоть, разница ощущений... я застонал, взял зверя рукой и придвинулся ко рту девушки.

Она приоткрыла его и послушно припала губами к головке. Нехитрое прикосновение, но от него задрожали ноги и скрутилось в паху. Толкнулся глубже — и рот её был тесным. Застонал от тёплой волны предвкушения, родившейся у основания члена и растёкшейся по телу.

— Открой рот шире и спрячь зубки, девочка... — Я сжал между ладоней её голову и потянул на себя, входя до упора в небо, двинулся туда-сюда несколько раз. Всё же рай суще-

ствует! И он во рту у этой малышки. — Губки сожми крепче и помогай рукой — потискай его, немного сожми яйца...

Всему придётся учиться, но потом она будет делать так, как мне нравится. Я снова задвигался, неторопливо, она засопела, дыша через нос, но обхватила ладошкой член и двигала в такт моим движениям. Тепло, приятно уже от того, что неумеха. Бесценно...

Я смотрел на её рот, она подняла глаза и встретила мой взгляд. Ободряюще улыбнулся и двинулся глубже, замерев и чувствуя, как по члену потекла волна жара. Выскользнул, давая вздохнуть, и снова ткнул головку ей в губы.

— Оближи и двигай рукой. Ты же смотрела порно. Трахни меня, Несси. Я хочу кричать от удовольствия, — голос будто подменили — он охрип и выцвел, как всё вокруг. Остались лишь мой зверский голод и её мягкие губы и горячий язык. — Несси... — застонал от удовольствия и прикрыл глаза, запрокинув голову.

Заложил руки за спину, показывая ей, что даю полную волю. Я мог кончить от одного её вида у своих ног, но это не утолит голод. Лишь даст отсрочку ей. А потом я буду трахать её снова. И снова. И снова. До тех пор, пока не упаду от истощения. А я не упаду долго. И истощение грозит лишь моему мозгу, силам, но никогда — возбуждению.

Сегодня — ночь разврата. Ночь располагает к откровенности. Ночью приходя лишь простые желания. Ночью легче продаются души дьяволу.

И я буду её трахать, пока она не станет собой, пока не закричит так, чтобы я кончил от этого крика, пока не почувствую, что выпил её до капли. А утром я сделаю ей предложение, от которого она не откажется. Они никогда не отказываются. Но ей я дам всё, что она попросит, всего лишь за одну мелочь...

— Пососи, Несси... Как я это делал тебе. — Я дотянулся до бокала с вином и снова полил на лобок и член. — Приоткрой рот, пусть вино попадёт на язык. — Несси послушно смешно оттопырила губу, ловя тонкую струю, а я все лил, текло по яйцам и ногам, по её подбородку и шее, по груди... — Давай, девочка, сильнее. Не жалея меня. Высоси до пустоты...

...которая грозит лишь яйцам, но не желанию.

Моё проклятье. Жажда трахаться — дольше, сильнее, быстрее... Потому что она — эта жажда секса — неутолима. Она выжигает мой мозг, мое тело, мою жизнь...

Несси принялась за дело смелее, а я подливал вино, пока оно не кончилось, и стонал от сладострастия, поджавшего мошонку. Девочка слизала вино горячим языком, и этот контраст прохлады и жара её дыхания лишал последних крох терпения. Аромат дорогого алкоголя и секса кружил голову. Вино кончилось, я взял стакан с не выпитым виски и уже растаявшим льдом и лил его на член рядом с её губами, опавшая девчонку алкоголем и своей похотью.

Огонь и лёд. Она и я. Земля и небо.

И волшебный язык невинной девочки, нежно скользнувший по всей длине по вене, окруживший головку. Мягкие, но упругие, как мякоть малины, губы, накрывшие ее, и острый кончик языка, проскользивший по кругу. Зубки, чуть задевающие тонкую кожу — того и гляди от непривычки сомкнутся... острые ощущения, будоражащие, волнующие...

И жар по телу волнами, тяжело раскатившийся в крови, выступивший на лбу, висках и груди потом... Слишком жарко. Слишком близко оргазм. Хочу ещё. Дольше. Чтобы она проглотила меня.

Но не в первый раз — я это понимал. Вынул член из её рта, она его закрыла и облизнула губы. Что ж ты творишь, девчонка?! Провёл пальцем по её нижней губе, мастурбируя. Нет, хочу в рот. Невыносимо хочу в её сладкий...

— Рот... Открой рот, Несси... — Она открыла, я снова скользнул в него, неглубоко. — Облизывай и глотай... — и снова полил на конец виски, чтобы попадало ей на язык.

Несси кружила им по головке и легонько сосала, а я терял дыхание, смотрел, как она глотает, чуть морщась, горьковатый напиток, спасая чувствительную кожу от алкогольного ожога, прижался к её рту, нажимая членом на нижнюю губу...

— Посмотри на меня, Несси...

Обжёг не алкоголь, а ее золотой взгляд, и я кончил, смешав элитный напиток с густой спермой. Кричал от оргазма, мастурбируя и выжимая ей в рот всё до капли и входя глуб-

же, тыкаясь в твёрдое нёбо. Взорвался огнями наслаждения, упёрся руками в спинку кресла, нависая над девушкой и всё ещё двигаясь у неё во рту.

Минута невысказанного блаженства — то, ради чего я живу, и то, что меня медленно убивает. Но сейчас я счастлив и готов целовать каждый пальчик этой девочки, подарившей невероятное облегчение, пусть на минуту.

Кто не знает, как изводит не проходящее возбуждение, никогда не поймёт, как это здорово — не хотеть.

Я вынул член изо рта Несс и опустился на колени, покрыл поцелуями её груди, шею, лицо, слизывая и собирая винные дорожки, накрыл её губы и вылизал их, её язык и нёбо, ощущая хмельное дыхание девушки и чувствуя, что она обняла меня, подалась навстречу, огладила ладошками спину и притянула за шею.

Она так и не сняла халат, но и не стремилась запахнуть его. Мы целовались долго, Несси гладила моё лицо и грудь, скользила ладошками по плечам и шее, зарывалась в волосы до мурашек — так приятно было чувствовать её руки везде. Она уже сама неумело целовала, прижимаясь плотнее, а я отвечал и мысленно улыбался — вот такую Несси я и хочу. Настоящую, хмельную и развратную.

Я стащил с неё халат и бросил его на пол. Опустился на него, раздвинув ноги и облокотившись спиной на кресло, и усадил перед собой девушку, закинул её ножки за свои. Мы смотрел в окно на огни Лонг-Айленда и фонари на прогу-

лочных яхтах, медленно проплывавших по проливу Ист-Ривер. Я гладил её, полностью доступную для меня, ласкал её соски, приподнимая груди, скользил кончиками пальцев по её раскрытым складкам, животу и бокам, наслаждаясь теплом бархатной кожи.

— Тебе не было неприятно, Несс?

— Я думала, что будет.

— Повторим без вина?

— Ладно.

Я глухо засмеялся — согласие прозвучало с поспешной готовностью.

— Несси, я хочу поговорить о твоём клиторе, — я потеребил его пальцами для убедительности.

— Никита, мне не хочется говорить об этом, — заёрзала девушка у меня в руках, отодвигая мою ладонь.

— Мы поговорим, потому что сейчас он для меня — самая важная тема. Ты не представляешь, но я теперь не забуду его никогда в жизни.

— Ник...

— Несс, что бы ты отдала, чтобы он был как у всех?

Девочка замерла и задумалась, припав губами к боку бокала и уставившись куда-то вдаль, в густоту полыхавшей огнями Манхеттена ночи. Я не мешал ей думать. Пусть назначит цену.

— Однажды я хотела продать почку и сделать операцию.

— И почём теперь почки?

— Тогда стоила сто пятьдесят тысяч.

— О-о, ты серьёзно подошла к делу...

Девушка действительно была настроена решительно, раз интересовалась ценой.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Что такого сказал твой парень, что ты готова была пойти на такое?

Несси будто стала меньше. Я никак не мог понять, что за болван ей попался, что не оценил такую девочку? Надо быть полным кретином, чтобы...

— Что я не женщина и не мужчина, а гермафродит с недоразвитым... членом...

...воспитать в человеке комплекс неполноценности буквально одной фразой.

— ...мы были на вечеринке, выпили, он стащил с меня трусы, а как увидел... его, захохотал и вытащил меня в комнату, где были другие ребята и девчонки. Задрал мне платье и держал на весу... как ты в кафе... и показывал всем мой... мою... — она вдруг всхлипнула, глубоко задышала, уткнувшись лицом в ладони, а я молчал.

Если бы я знал... Бедная девчонка. После такого я бы на её месте не отдался в туалете, а пинал и грыз до смерти. Пережить это... Она оказалась сильной.

Я стал массировать её «проклятье» и грудь, откинув вперёд длинные волосы, целуя и легонько прихватывая зубами кожу на шее и спине, ласкал нежно, оглаживал её всю с ног,

докуда мог дотянуться, до головы, забираясь обеими руками под волосы.

Зверь встал, уютно пристроившись между её ягодиц, и я пересадил девушку себе на живот, положил руку Несси на член и прижал к её паху. Она притихла, обхватила его горячей ладонью и последний раз всхлипнула. Я гладил её нежные складочки, пропуская клитор между пальцев. Обхватил её талию, приподнял и насадил на себя медленно, до упора. Тёплая, тесная, очень тугая, просто крышесносная, моя маленькая всё ещё девственная Несси.

Я закрыл глаза, наслаждаясь этим сказочным моментом, прочувствовав каждый миллиметр движения в ней, снова будто первый раз раздвигая плотно сжатые мышцы. Заулыбался, как идиот, счастливый похотливый козёл, млея от удовольствия от того, как жарко в ней, как уютно и до слёз приятно. Замер, прижав её попу к своим бёдрам, давая и ей, совсем пьяной малышке, прочувствовать это и привыкнуть ко мне снова.

— Несси... — я медленно целовал её плечо и шею, — ...моя маленькая девочка... — смял её идеальные груди, — ты всегда будешь для меня девочкой... — сладкой... — девственной... — повернул её красивое лицо и поцеловал в уголок губ, — спасибо за откровенность... за удовольствие... за девственность... за смелость...

Я покрывал её поцелуями нежно, ласково, как не целовал ещё никого. Эта девочка — не все остальные. Она — кок-

тейль противоречивых чувств, одновременно смелая и испуганная, неумелая, но открытая, невинная, но распутная... Настоящая.

Рассвет уже растёкся над Нью-Йорком, раздвинув солнечными лучами завесу ночи, гася огни Манхеттена и обнажая залитый вином пол и бардак на столике.

Я приподнял Несси, сел на край кресла и повернул её к себе лицом, снова опуская на член и смотря ей в глаза. Моя хмельная девчонка... И снова момент неопишущего наслаждения — тугая плоть, податливое тело, полное доверие после откровенности, когда с души сброшена тяжесть, а рассвет растушевал следы возмутительно неприятных воспоминаний и подарил новый день.

Прижал Несс к себе, огладил изгибы соблазнительной фигурки, схватил лицо в ладони и ласково коснулся её губ. Целовал, а вокруг сердца клубилось что-то незнакомое, хотелось быть нежным и грубым, трахать её мощно, по-звериному и в то же время неторопливо, наслаждаясь каждым движением в ней.

Она растеклась от неги в моих руках, обхватила мою шею, откидывала голову, подставляя поцелуям грудь и крупные соски. Возбуждение нарастало, я чувствовал и её желание. Моя пьяная малышка хотела меня, я хотел её. Всю. Везде.

— Несси... быстро и сильно или долго и нежно?

Она открыла хмельные глаза и прошептала:

— Медленно и сильно... чтобы немного больно... чтобы

я кричала, как ты хочешь...

— Хорошо, моя девочка...

Я встал и понёс Несси в спальню. Забрался с ногами на постель и уложил её, нависнув сверху. Она казалась подо мной такой маленькой и хрупкой, слабой, нежной и трогательной. Просунул руки под её спину и зарылся пальцами в волосы.

Её клитор тёрся о мой лобок, когда я входил в неё медленно, до упора, и скользил назад, потом врезался в неё, вырывая вскрик, и снова выскальзывал. И каждый миг был чудесным, и каждый раз как впервые — снова туго и жарко, до бисера на лбу и висках. Несс обхватила меня ногами и обвила шею, притягивая к себе.

Её неумелый поцелуй возбуждал и пьянил, мы снова целовались с упоением, я рывком вторгался в неё, поджимая ягодицы и замирая, толкаясь внутрь, будто хотел продраться в матку, она вскрикивала мне в губы и просила ещё.

И я выполнял её просьбу, кусая её шею и плечо, прихватывая легонько зубами сосок, заставляя её замирать в предвкушении боли, но облизывал черешенку, обхватив девушку и вжимая в себя её всю. Трахать её было так упоительно, перед глазами всё плыло, бёдра сами толкали член в мокрую тугую глубину, и каждый рывок будто вылетал из её рта криками удовольствия.

Я смотрел на её губы и ускорял темп, упёршись коленями в постель и быстро работая бёдрами. Она выгибалась и хрипела, крутила головой в моих ладонях, и я видел, как по её

шее ползли мурашки предвкушения, как её сотрясает подо мной, как ещё туже сжимает она внутри себя член, заставляя меня стонать и рычать одновременно, сдерживаться и не излиться вперёд неё.

Она раздвинула ноги, упёрлась в постель ступнями и так забилась подо мной в экстазе, так кричала, что у меня под кожей будто прошёлся ураган, опалил всего от основания члена до кожи под волосами. Я закусил губу, борясь с желанием отпустить себя и кончить, но преодолел себя и сопротивление пульсирующего влагалища, внедряясь в глубину до конца, вбиваясь резче, выбивая из неё крик и стоны.

— Ни...ки...та...

— Несси... тебе хорошо, моя сладкая девочка... сейчас ещё разок повторим...

И я трахал её снова. А она теперь смотрела мне в глаза, совершенно пьяная и раскованная, счастливая и расслабленная, ставшая мягкой, покорной, податливой — моей. Я не смог удержаться от соблазна — просунул в её попу палец. Она дёрнулась, но я врезался в лоно с силой, заставив её снова крикнуть, и добавил второй палец. И двигался уже синхронно.

— Что ты делаешь?

В её глазах было слабое любопытство и испуг. Девчонка ещё не отошла от оргазма, нежилась подо мной, а я перетерпел, член ломило, хотелось разделить с ней эту боль, я теперь знал — она её не боялась и даже желала. Поцеловал Несси

и перевернул на живот.

Её попа впускала член медленно и неохотно. А я плыл от удовольствия, отбирая девственность ещё раз. Третий. Несси извивалась, пытаясь выкарабкаться из-под меня, но я прижал её всем телом, обхватив крепко руками и не давая шанса вырваться.

— Ты же хотела кричать, Несси. И я хочу кричать. Давай вместе. Расслабь попу, девочка...

Я вошёл медленно, постепенно, глубоко, замер, давая ей привыкнуть и наслаждаясь, как она, пытаясь расслабиться и снова сжимаясь, не зная сама, сладко массировала мышцами член. Так приятно и горячо, что я вспотел весь.

Чуть двинулся, провоцируя, и замер с блаженной улыбкой, снова чувствуя упругость её дразнящих мышц. И снова... Выскользнул до головки, поймав её вздох облегчения, и медленно погрузился, наслаждаясь каждым миллиметром завоёванных позиций.

— Несси, я тебя трахаю в попу... — мне захотелось это сказать, будто это важно. Губы невольно растянулись в глупой счастливой улыбке, будто я получил что-то остро долгожданное. — Сожми мышцы, детка...

Будто мало той тесноты, что тугим узлом сковывала член. Скользнул руками под неё и развёл ноги широко, лаская клитор и просунув пальцы в горячее лоно.

— Ты вся моя, Несси... Везде. Я буду тебя трахать везде... И в попу... и в писю... и в рот. В кафе... в торговом

центре... дома... в музее и на улице... на столе... на полу... в бассейне... везде, Несси... — Она стонала, наверное, от боли, непривычки и возбуждения, я двигался уже увереннее. Лаская клитор, взял её за горло, задирая подбородок и вбиваясь в попу сильно и глубоко. — Кричи, Несси... кричи моё имя, девочка... я хочу тебя до звёзд в глазах... кричи... давай...

Схватил её зубами чуть ниже плеча. Она закричала громко и... кончила мне на пальцы. И я отпустил себя, изливаясь в её попу, врезаясь в неё сильными рывками с криком и рыком, вталкиваясь в глубину лучшей попы на свете, упираясь ногами в постель и вжимаясь в неё всем телом.

Мы кричали оба, сливаясь в одном оргазме. Несси заходилась всхлипами и вздрагивала, дыша рвано и громко. Я сгрёб её в охапку и перевернулся на спину, обняв её и покачиваясь, будто баюкая, пока член не выскользнул из неё.

— Несс, ты не кричала моё имя. Сейчас трахну ещё раз.

— Не надо... Никита. Я не могу больше.

— Затрахал? Я ведь предупреждал... Сбежать от меня уже хочешь?

— Нет. Отдохнуть. Спать хочу.

Я поглаживал её, распластавшуюся на моём теле, гладил грудь и живот, бёдра и бока, и думал, что надо бы сделать зеркальные потолки. Наверное, мы здорово смотрелись сейчас. Красавица и чудовище.

— Несс...

— М?

— Я куплю твою почку... — Она фыркнула. Я продолжил:

— Серьёзно говорю. Но ты не будешь делать пластику...

— Никита... — Она попыталась сползти с меня, но я не позволил.

— Слушай меня. Я не способен на постоянные отношения. Ты можешь сделать пластику потом, когда я брошу тебя. Я оплачу операцию. Потрахай меня ещё, Несси. Не знаю сколько. Но я верну твою почку, когда ты мне надоешь. И дам денег, сколько попросишь.

— Ничего себе...

— Сколько ты хочешь, Несси?

— Никита, ты ненормальный.

Я засмеялся.

— Разве я не говорил тебе это ещё в туалете? Так сколько? За твою почку и за клитор.

— Миллион.

— Хорошо.

— Два, — хохотнула девушка, приняв предложение за игру.

— Или три? — решил подразнить.

— Пять.

— Семь?

— Нет, пять.

— Почему пять?

— Нравится это цифра.

— Хорошо. Пять миллионов за твою почку и клитор. Двести тысяч, страховку и оплату лечения чего там найдёт Расс — получишь сегодня. Пять миллионов, когда надоешь мне.

— А если не надоем?

— Чтобы не надоела, разнообразим наши отношения...

— У нас отношения? — перебила иронично.

— Половые. Так вот. Разнообразим их. Я буду давать тебе задания, ты будешь их выполнять.

— А если не буду?

— Надоешь быстро и не получишь пять миллионов.

— Что за задания?

— Для начала кричи моё имя, когда кончаешь.

— Ладно.

— Проверим сейчас?

Я резко перевернулся и подмял девушку под себя. Она завизжала и засмеялась.

— А бывает, что ты не хочешь?

Откинулся на спину и ответил честно:

— Нет. Не бывает.

Она не поверила.

Проснулся ближе к полудню от навязчивого зудящего звука — в сумке девушки вибрировал телефон. Несси тихо посапывала рядом, лёжа спиной ко мне. Руки тянулись погладить её и сцедить утреннюю эрекцию внутрь тёплого лона. Для того я и привёз её к себе.

Но ночью я получил даже то, чего не собирался. По крайней мере, не так быстро. Воспользовался моментом... Вспомнил тугую попу Несси, и член ломануло от желания.

Черт! Я осторожно встал с постели и вынул телефон. Пять пропущенных от Стейры. Странное имя. Провёл пальцем по сенсорному экрану, опуская «шторку», и прочитал четыре сообщения от неё же:

«Ну как?»

«Неська, вы трахались?»

«Перезвони! Он клёвый! Я бы тоже с ним покувыркалась».

«Несь, ты где? Звоню битый час! Ты жива? Не позвонишь до вечера — звоню в полицию!»

Я выключил телефон, взял простыню и укрыл Несси, хотя хотелось растормошить.

— Отказать, — запретил себе и тихо вышел из комнаты, недоумевая, с чего у меня такое хорошее настроение.

Принял у себя душ, оделся и пошёл в спортзал через малую гостиную — Маури уже распорядился, и следы ночного действия уничтожила клининговая служба кондоминиума. Экен творил в кухне утреннее традиционное чудо — манную кашу.

Друзья обложили меня заботой, как волка флажками. Чтобы ослабить похоть, мне прописан комплекс мер, привычек, диета и куча препаратов. Пресная еда по часам — не самым трудное, но самое мной нарушаемое условие «выздо-

ровления».

Но избегать провоцирующий возбуждение окружающий мир — нереально. Если только забуриться в Аппалачи, куда рванул Джейк в поисках магического нектара для укрощения ебливого сатира. Я гнал мысли, что однажды психику может сорвать так, что это будет единственный выход. Или застрелиться.

Зато Джейк не требовал ограничиваться в удовлетворении сексуальной потребности — воздержание не самый подходящий метод укрощения моего проклятия — и на том спасибо.

А с Рассом мы, бывало, делили проституток, играя в тройничок. Но проститутки и случайные связи не оставляли чувства насыщения — это было чуть лучше, чем мастурбировать, а на постоянные отношения я не способен да и не желал ограничиваться одной партнёршей.

Но Несси...

Это просто подарок судьбы. Ночью я получал удовольствие всем телом от кожи на голове до кончиков пальцев ног, от обоняния, усладившегося ароматом Несс, до запомнивших нежность и вкус её плоти языка...

Тарелка каши с маслом появилась передо мной как по волшебству. Я съел её с удовольствием, взял кофе, ушёл в кабинет и набрал номер Расса.

— Здорово, друг. Занят?

— Хелло. Свободен.

— Ты убедил меня. Делай, что должен, но клитор пока не тронь. Он у нас предмет договора.

— Ты хотя бы вчера поберег её?

Я хмыкнул — не поберег, и даже больше.

— Принял на работу новую медсестру? — перевёл я тему разговора.

— Заходи познакомиться, тебе понравится, — сухо бросил друг, понимая, что ответов не получит, и отрубил звонок.

Я задумался о Несс. Я ею ошеломлен. Как-то неожиданно она вошла в мою жизнь, и выпускать её из своих рук я не собирался. Эта девочка — чистый лист бумаги, податливая глина — лепи всё, на что таланта хватит.

А я, кроме того что — не умаляя своих достоинств — хороший любовник, ещё и бизнесмен, провидящий и расчётливый. Иначе не был бы миллиардером и не владел огромной сетью клиник с новейшим оборудованием.

Заслуга отца в этом немалая, как и его помощь с грантами на исследования: всё же член Конгресса США — это не шуточки, учитывая его русские корни. Мне бы стоило почтительнее относиться к американскому флагу, но он не висит у меня в кабинете, не висит ни на одной из моих клиник.

Я просто не понимаю повальную любовь американцев к звездно-полосатой тряпке, которую легко перешивают на трусы и бикини. Ни над одним другим флагом в мире так не трясутся и так им не подтираются, как американским.

Впрочем, раз уж мысли от Несс перетекли к бизнесу, пора заняться делом. Снова взял мобильник.

— Армат, что-то уже узнал? — спросил главу службы безопасности моей компании.

Ещё вчера Расс отправил ему копию паспорта и номер прежней страховки Несси для проверки — всё же осторожность никогда не бывает лишней.

— Да, сэр... — Меня сместило это обращение, чувствовал себя рабовладельцем, но добиться, чтобы он звал меня по имени и отчеству, так и не смог. — Через десять минут вся информация будет у вас.

— Спасибо, Армат. Через две недели выдвигаемся, через семь дней подготовь маршрут и включи в него Теннеси последним пунктом.

— Понял.

Я завершил вызов и набрал другой номер.

— Николь, добрый день.

— Хай, Никита Германович, — чуть не по слогам, вызывая улыбку, приветливо поздоровалась главный бухгалтер компании — молодая женщина с мягким взглядом, но стальными принципами: не лги, не бойся, не ори. — Чем могу быть полезна?

— Свяжись с Арматом, возьми данные Тенессии Моори и открой для неё медсчёт CDHP, сто процентная годовая оплата. Потом свяжись с Расселом, Пятая Авеню, 31, сообщи номер страховки. Документы передашь ему же.

— Окей. Что-нибудь ещё?

— Да. Через неделю мне нужны отчеты филиалов во Флориде и смету расходов на центральный запуск.

— Окей, Никита Германович.

— Хорошего дня, Николь.

— Оу, спасибо. И вам, сэр.

Ну что ж, осталось отсчитать девушке двести тысяч. Кстати, ей пора бы уже проснуться...

Глава 6. Разве это трудно и страшно — трахаться с удовольствием?

*Хочется немного душевного тепла
и пять миллионов долларов*

Я проспала часа три и проснулась от жажды и головной боли. Никита спал, раскинувшись на огромной кровати. Голый, красивый, огромный. Взрослый.

Я тихонько села и потёрла виски, осознавая, что болит не только голова: болели мышцы ног и поясница, болели руки и пресс, но самое главное — болел задний проход и этот злополучный отросток — мужчина наласкал его так, что казалось, клитор — сплошной кровоподтёк.

Ночь прошла. И все, что было естественно и правильно, теперь виделось развратом. Правильно говорят: улада уйдёт, а грех останется. Никита на самом деле любит секс и занимается им так, что все порно-актёры меркнут.

В том, как он это делает, есть какая-то одержимость. Кажется, что член — главное в его жизни, центр его существа. Но он не забывал и о партнёрше — право первого оргазма каждый раз принадлежало мне.

Я лежала, боясь разбудить мужчину и попросить обезболивающую таблетку — была уверена, что он даст её и снова

устроит марафон. А я хотела только одного — чтобы это дискомфортное ощущение в анусе исчезло. Это было хуже, чем больная голова и тошнота от смешанного алкоголя. Вспомнив, как пила вино с члена Ника, накрылась простынёй с головой.

О, флаг Америки! Я сошла с ума...

Подташнивало, и было неудобно — на душе и вообще. Я тихо сползла с кровати и пошла в ванную. Напилась прямо из-под крана, умыла лицо холодной водой и залезла под душ. Вода принесла небольшое облегчение. Вытерлась и вышла.

Утро было прохладным. Легла лицом к Никите, скрутилась комочком и завернулась в простыню. Пока он спал, я могла его всего хорошенько рассмотреть. Но взгляд привлекало только его достоинство, даже в спокойном состоянии совсем немаленькое.

Наверное, после него мужчина со среднестатистическим членом меня не удовлетворит. Если у меня будет когда-нибудь другой мужчина. Хотя, если сделать операцию...

Сейчас мне не хотелось ничего из того, что обещал Никита. Обследование в такой клинике, конечно, очень круто, и двести тысяч... хорошие деньги, чтобы потерпеть боль в заднем проходе. Ведь другим это нравится, хотя я не поняла, как ощущение растянутой кишки может нравиться?

Когда Никита трахал меня в попу, казалось, что я хочу по большому. И от этого невозможно было расслабиться, заботило только одно — сдержать рефлекс. Я больше не хочу

в попу. Лучше в рот.

За пять миллионов.

О, флаг Америки! Неужели я верю, что он это обещал все-рьёз?! И даже если, неужели я...

...продам свою попу и клитор. Как сказал Никита — как миленькая. Пять миллионов... Я на эти деньги открою студию ароматов, создам свой бренд и выпущу линейку косметических средств и парфюмерии «Тенесси Моори»!..

О, флаг Америки! О чём я думаю?!

Я схватилась за голову, нечаянно толкнула мужчину и замерла — он перевернулся на живот, и я оказалась прижатой к его боку. Горячий, твёрдый... гора мышц. Сексуальный. Весь сбитый, без грамма жира, подтянутый. Слишком богат и хорош, чтобы стать моим парнем.

Кто я такая? Придаток к клитору, который так ему понравился. Он покупает меня и не стесняется этого. Не скрывает. Стоит ли тогда возмущаться и строить из себя святую невинность?

Я накинула на Никиту уголок простыни, закрыла глаза и замерла. Пригревшись в тепле его тела, уснула...

Когда проснулась в следующий раз, Никиты в комнате уже не было. Я снова умылась и натёрла волосы любимым маслом со сложным ароматом. Голова болела намного меньше. Все остальное тоже.

Надела белье и короткий свободный комбинезон, расче-

сала подсохшие волосы. Нужно их вытягивать и укладывать горячими утюжками, но здесь не было моей соседки парикмахерши с её профессиональным инструментом, которая делала это для меня бесплатно уже почти год. А эти естественные волны смотрелись слишком просто, хоть и не закручивались каракулем.

Будущий знаменитый парфюмер всегда должен выглядеть стильно и дорого. Вдохнула, вспомнив аутлет с брендовыми вещами по бросовым ценам. Даже смешно стало — неужели я думала, что такой мужчина после секса в туалете с незнакомой девушкой поведёт одевать её в бутики на Седьмой Аvenues?

Когда пускаешься во все тяжкие, нужно понимать, что случиться может что угодно. Даже то, что Никита уже сделал для меня — слишком много. А если сделает, что вчера обещал... Почему-то верилось, что он слов на ветер не бросает.

Захотелось есть, но я боялась выйти из комнаты. Вдруг Никиты нет дома? Что я буду делать тут? Вчера доктор сказал прийти к нему, но я даже не представляла, как выйти из квартиры случайного любовника. Единственный человек, с кем я могла поговорить и немного отвлечься от неприятных мыслей — Стейра. При воспоминании о ней кровь прилила к лицу от стыда.

О, флаг Америки! Что она обо мне подумала?!

Я достала из клатча телефон. Куча пропущенных вызовов и несколько сообщений.

«Перезвони! Он клёвый! Я бы тоже с ним покувыркалась».

«Несь, ты где? Звоню битый час! Ты жива? Не позвонишь до вечера — звоню в полицию!»

Совсем не подумала, что подруга может меня потерять! Быстро набрала её номер. Она ответила сразу:

— Неська! Где ты? Всё нормально? — в голосе нешуточное беспокойство, граничившее с испугом.

— Не кричи в ухо, — я невольно улыбнулась — приятно, что о тебе волнуются. — Я только проснулась. Всё нормально.

— Где ты проснулась? Я чуть твою дверь не вынесла! Всех соседей на уши подняла! Сказали, какой-то тип тебя на «Ламборджини» увёз, что дома ты пять минут была и вышла с пакетиком и испуганная! Неська, ты где?

— Я у него. Не кричи, Стейра!

— Он не обидел тебя? Где он?

— Не знаю, где он. Я в своей комнате...

— В чьей ты комнате? — моментально притихла подруга.

— Ну, я, похоже, немного задержусь у него. Хотя не знаю.

Стер, я пока не знаю, что дальше будет.

— Неська, надо встретиться. Он же не держит тебя взаперти?

— Нет... Наверное.

— А ты хоть узнала, кто он вообще такой?

— Он... Никита.

— Исчерпывающая информация.

Я действительно знала только его имя. Подошла к панорамному окну, выходявшему на Центральный парк.

— Стер, помнишь, как я в Центральном парке собирала плоды гинкго? Где мы с тобой чуть не попали в кадр во время съёмки S.C.I.?

— Конечно! Ты прыгала, как сумасшедшая, от радости, что это единственное дерево во всём парке, которое не опылили от завязей. Будто золотые слитки собирала! Забудешь это, ага!

— Да! Вот это дерево я вижу из окна его пентхауса.

— Ничего себе куда тебя занесло... — протянула подруга.

— Так он что, богат?

— Судя по квартире и дворецкому — да.

Стейра присвистнула.

— Вот это тебе повезло, подруга!

— У-гу-ум, — с сомнением протянула.

— Нам надо обязательно сегодня увидеться! Неська...

Я услышала за дверью шаги и быстро перебила говорливую подругу:

— Всё потом. Пока.

Быстро отрубила звонок и сунула телефон в карман как раз в тот момент, когда в комнату вошёл Никита.

Всё-таки он очень хорош собой. Взгляд оторвать сложно. Я смотрела на него во все глаза: футболка цвета графита, камуфляжные штаны, босой. В его руках конверт из плотной

бумаги, Никита положил его на комод у входа и подошёл ко мне. Огладил руки от локтей к плечам, притянул к себе и повёл носом по линии роста волос.

— Ты пахнешь так, что забыть нельзя. Но вчера твои волосы как-то по-другому были уложены. Мне больше нравилось, — он потянул один локон.

— Мне нечем сделать как вчера, — ответила, смутившись — разве не должен мужчина говорить комплименты женщине?

— Пойдём, поешь, и вызовем тебе парикмахера. Потом у нас насыщенный день...

Он потянул меня за руку к выходу, я упёрлась:

— Отпусти меня домой...

Здесь всё чужое. Слишком светло и просторно вокруг, светлые молочные и серые оттенки мебели и отделки, окна от пола до потолка даже без лёгких занавесей. Мало безделушек и цветов, нет животных. Всё будто занимает свои выверенные по миллиметру места. Строго, ничего лишнего. Безжизненно. Неуютно. Хотя ещё не видела всю квартиру. Я чувствовала себя похищенной, может, потому всё впечатляло, но не грело.

Никита, казалось, не удивился моей просьбе. Он просто обнял меня за плечи и вывел из комнаты:

— Отказать. Сейчас поешь, сходим к Рассу — он уже прислал план лечения, и у тебя сегодня какие-то процедуры и обследования. Потом делай, что хочешь. Но я тебя преду-

прежде — не отпущу.

— Совсем?

— Ну почему? Я тебя не собираюсь запирасть, но большую часть времени ты должна быть рядом.

— Мне же не обязательно для этого жить у тебя?

— Я должен бегать за тобой, чтобы трахнуть? Мне казалось, мы обо всём договорились ещё рано утром.

— Никита...

— Несси, в чём проблема? Давай начистоту. В чём дело?

Я растерялась от его жёсткого требовательного тона. Он не только внешне выглядел стальным и непробиваемым, но и говорил теперь так, что мысли вылетели из головы вон. Я перебирала в уме причины, почему не могу у него остаться, и, к своему ужасу, не находила ни одной. Разве что...

— Мне надо искать работу и...

— И? — перебил насмешливо с лукавым прищуром, давая понять, что для него мои «и» — не аргумент.

— Нужно к родителям... Я не была год... — говорила, но слова казались невесомыми и незначимыми, будто оправдание.

— Разве я не взял тебя на «работу»?

— Какую работу? — я совсем растерялась. Ничего такого мы не обсуждали.

— Твоя работа — стонать подо мной и на мне. Я её хорошо оплачиваю. А поскольку твой клитор и почка теперь принадлежат мне, я настаиваю, чтобы они находились у ме-

ня на глазах. Я должен знать, что с моими органами всё нормально. Мне их ещё тебе возвращать — не забыла?..

Его слова упали в душу и в мозг тяжёлыми аргументами. Будто я и правда продала ему часть своего тела. Я даже почувствовала себя странно, будто между ног образовалась дыра и туда поддувало, и хотелось чем-то её заткнуть.

Никита ответа не ждал, он вёл меня куда-то мимо зала, где мы...

— ...А к родителям наведемся меньше чем через месяц. Будешь сопровождать меня в рабочей поездке. Пятьдесят тысяч в конверте. Остальное переведу на счёт. Экен, накорми Несси, — распорядился, подведя меня к барной стойке, отделявшей кухню от слишком просторной столовой с выходом на террасу. — Буду в кабинете, Маури проводит тебя, Несс, — добавил уже мне и ушёл.

Я сложила руки на колени, чувствуя себя школьницей, которую отчитал строгий учитель. Подняла глаза на повара и встретила его добродушную улыбку.

— Я думаю, лёгкий салат и белая рыба будут в самый раз?

— Спасибо, — мне было неловко, прерывисто вздохнула и принялась разглядывать кухню.

В ней преобладали серые тона: свинцовый, маренго и стальной — поверхности встроенной техники. Белыми были барная столешница и несколько узких дверец, а угольно-чёрными выделялись стёкла и жарочная панель.

В отличие от комнат, которые я видела, здесь всё же теп-

лилась жизнь: стеклянные баночки с травами и специями, масла, соусы и уксусы, полотенца — бумажные и льняные, прихватки, разделочные доски, целый арсенал всевозможных ножей...

Я так увлеклась цепляться взглядом за хоть что-то по-человечески понятное и привычное, что не заметила, как передо мной оказалась тарелка с едой.

— Приятного аппетита, — улыбаясь, негромко пожелал мужчина. — Ешьте, а потом мы с вами попьем чай. Вы какой любите?

— С молоком, но сейчас бы выпила белый. — Я потянула носом аромат блюда и на секунду зажмурилась от удовольствия. — А есть у вас немного базилика?

Экен будто по волшебству вынул откуда-то веточку пряной травы и протянул мне:

— А ведь я не положил его только потому, что не все любят его вкус, — он бросил взгляд туда, куда ушёл Никита.

— Я очень люблю травы и разные масла и соусы, — поделилась, макая кусочек рыбы в лимонный соус и облизываясь в предвкушении.

— Тогда я на ужин приготовлю печёное мясо с апельсинами и орехами. Вам понравится.

— Даже звучит очень вкусно! И рыба просто тает во рту!

Довольный похвалой повар занялся чаем, а мне уже не было так неуютно — вкусная еда и улыбчивый повар сильно смягчали холодную, острую и опасную ауру этого дома. Чай

я пила уже с наслаждением, немного примирившись с мыслью, что не вполне себе принадлежу.

Удивлялась, как в разговоре с Никитой не пришёл в голову единственный правильный аргумент: я — свободный человек, меня нельзя заставить быть чьей-то постельной игрушкой. Даже набралась решимости сказать об этом ему.

И когда Маури появился в столовой, с готовностью пошла с ним, ещё раз тепло поблагодарив Экена за вкусную еду.

Несси появилась минут через сорок. Я успел вызвать стилиста, кое-как объяснив ему, что у неё на голове сейчас, и что я видел вчера. Теренс хохотал, я тоже, так что встретил девушку в отличном расположении духа. Когда она показалась в дверях кабинета, почувствовал спазм в паху — я хотел её. Прямо сейчас. Смел бы всё со стола и разложил как лягушку.

Правда, с этим как раз проблемы — у Несси растяжка никакая. Девчонку надо капитально тренировать, содрать с неё защитную кожуру и размять её чувственность. Я видел себя скульптором, получившим в руки кусок затвердевшей глины редкой породы.

Несси подошла к столу и застыла. В глазах — буря эмоций, она ломала пальцы в нерешительности. Я ждал. Наконец, девушка отмерла:

— Никита...

— Да, девочка моя... — Я встал, подошёл к ней, не давая

повернуться ко мне. Прижал её бедра к столешнице и запустил пальцы в волосы. Она задышала глубоко и часто, опёрлась ладонками на стол. — Говори, вкусная моя...

Убрал волосы с шеи и коснулся её губами.

— Никита... ты не можешь меня...

— Могу. И буду. Прямо сейчас, Несси. А ты будешь кричать моё имя...

Я расстегнул её комбинезон и стянул вместе с трусиками. Расстегнул тренировочные штаны и выпустил зверя наружу.

— Никита...

— Рано...

Накрыл ладонью её лоно и приласкал тёплые складочки, пропуская клитор между пальцев, чуть сжимая и трогая чувствительный кончик. Подхватил девушку под колено и уложил его на стол, проник пальцем внутрь неё, возбуждая и чувствуя, как увлажняется плоть, как твердеет чудо чудное.

— Вот так, маленькая...

Я вошёл в неё неторопливо, до конца, прижавшись бёдрами к попе. Упёрся у колена рукой, чтобы не опускала его, сунул вторую руку под её майку, сжал грудь. Заскользил равномерно, нависнув над Несси, вынуждая наклониться, целовал её шею и спину.

Предвкушение уже расплзлось горячим вихрем по крови, согревая кожу. Я вбивался в бархатную тугую плоть с наслаждением, с сорвавшимся дыханием, ждал, когда она сожмёт член мышцами, слушал её стоны и терял голову от удо-

вольствия. Несси рывками двигалась навстречу моим движениям, сжала меня так крепко, что я чуть не кончил. Ударился внутрь мощно, резко, оставив грудь и скользнув рукой между её ног.

Несси вскрикнула и кончила, громкими стонами выталикивая с рваным дыханием моё имя:

— Ник..и..та-а...

Я почувствовал, как развязался в паху тугой узел и потёк по члену стремительно, срывая разум, поднимаясь по животу и груди, ударяя в голову жаром предвкушения. Прошептал «Несс-сси-и», подхватил девушку за бедра, удерживая на весу, и с рычанием вдавился в неё резко и жёстко, насаживая на себя с силой и сотрясаясь от крупной дрожи оргазма.

Отпустил, развернул к себе и поцеловал благодарно, ощущая, как трепещет в моих руках, отвечает на поцелуй, переплетая язык с моим, обхватив меня за талию. Её губы пьянили, а неутолимое желание, чуть ослабленное быстрым сексом, снова отзывалось в паху.

Теперь у меня есть девочка, которую я могу трахать когда и сколько хочу, не надо вызывать проституток, не надо тратить время на поиск случайных связей. Отпустил её губы, заключил тоненькую фигурку в кольцо рук и прижался лбом к её лбу, заглядывая в глаза.

— Тебе нравится со мной, Несси. Почему ты ищешь причины убежать?

— Я... не игрушка, — её слова выражали протест, а ладо-

ни огладили мою поясницу — она хотела быть со мной, но сопротивлялась.

— Не игрушка. Ты — моя девочка. Разве я тебя не удовлетворяю?

— Я... боюсь, — сорвался голос, она опустила глаза.

— Чего? — смягчил вопрос улыбкой.

— Тебя... Я хочу жить дома, — сказала и, похоже, сама испугалась, тут же поспешно добавила: — Мы же можем просто встречаться, как все.

Понятно. Не чувствует себя дома. Правильно, и не нужно — потом будет меньше проблем. Надо держать её на грани: чтобы знала порог дозволенного, но стала раскованной.

— Я не все, Несс. Запомни это. Ты будешь жить у меня, я буду тебя трахать. Много и часто. Ты сначала привыкнешь, потом войдёшь во вкус, а потом только пять миллионов заставят тебя отстать от меня. Ты уже мечтала, что сделаешь с ними, моя пылкая Несси? Это огромные деньги. Всего лишь за твоё тело и крики, когда кончаешь. Разве это трудно и страшно — трахаться со мной с удовольствием, Несс?

— Но я... будто продала себя.

— Ты и продала. Это хорошая сделка. Все продают себя, только не все удачно. Ты продала себя дорого. Что тебе не нравится?

— Мне... в попу...

— Привыкнешь. Это не самое интересное, что мы будем делать.

— А что ещё? — в её глазах светился и страх, и любопытство.

— А ещё — всё. Секс — это по-разному...

Звонок консьержа заставил прервать милый диалог. Я отпустил девушку и натянул штаны. Она поспешно сделала то же самое и выпорхнула из кабинета, столкнувшись в двери с Маури.

— Сэр, пришёл Теренс.

— Проводи его в малый зал, Несси подойдёт через несколько минут...

Я буквально вбежала в свою комнату, скинула запачканные шорты и быстро нырнула в душ. Уже через три минуты надела новое бельё и подошла к комоду. Большой толстый конверт лежал там, где его оставил Никита. Я вскрыла его и потряхнула, в руку выскользнули пачки новеньких купюр. Бешеные деньги...

За весь год в Нью-Йорке я заработала семь тысяч... Я действительно продала себя дорого. Меня затрясло от того, что теперь, держа их в руках, поняла — самые ошеломляющие возможности всегда ниже человеческого достоинства.

Сунула деньги в клатч, а его — в новую большую сумку, купленную в аутлете. Натянула платье на тонких бретелях со свободной юбкой и открытой спиной и вышла — стилист ждал меня — я поняла это, услышав разговор Маури и Никиты. Сам хозяин не соизволил мне об этом сказать. И это

зливо. Почему он ведёт себя так?

Этот мужчина сводит с ума! Он дразнит меня своим совершенным телом и синими глазами. Без него спокойнее, рядом с ним я себя теряю. Остаётся только он, его тело, его поцелуи, секс с ним и его пугающая прямота.

Она выбивает почву из-под ног, его слова режут слух и сердце, они точны, как удар клинка, и он говорит их так просто, что что-то сжимается в душе, бунтует против такой непосредственности и подавляющей уверенности в своей правоте.

Он рушит всё привычное с искренней уверенностью, что правильно именно то, что говорит и делает он. И что-то глубоко внутри соглашается с ним, неуверенно и робко.

Между нами с Никитой явно химия, но он открыто говорит, что всему этому будет конец. И это не обсуждается и не подвергается сомнению. И я верю ему и в этом. И только сейчас поняла, что боюсь чувств, которые меня уже будоражат.

Влечение к этому необыкновенному мужчине, жажда секса с ним, страх перед ним и его подавляющей аурой и возможности, которые передо мной открываются. Никита — мой личный обжигающий абсент, пьянящий до помутнения рассудка, горький, как правда, и сладкий, как оргазм.

И эта адская смесь манила и заставляла дрожать. Казалось, что наш договор на самом деле существует, и его невозможно нарушить. Потому что он подписан моей кровью с

моим личным дьяволом с синими глазами и бронзовой кожей.

Вот только срок действия договора не вписан, и в этом мой единственный шанс.

Глава 7. Жара...

Влажность... все дела...

Что ты знаешь о спокойствии?

— А вы, сэр, всё пьёте, — с лукавой снисходительностью, едва сдерживая смех, утвердил Маури, протягивая Теренсу бутылку холодного пива.

— А вы, сэр, рискуете! Побрею неровно, обрастать будете криво! — парировал человек-чума XXI века, модный стилист Нью-Йоркской тусовки.

Он ввалился в квартиру разрушительным ураганом. Маури, открыв ему дверь, по привычке схватил с консоли в холле итальянскую фарфоровую статуэтку XVII века и, прижав её к груди, закрыл собой картину кисти Эдварда Мунка[1], до сих помня плачевный визит стилиста в канун Рождества, когда он, крутясь со своей огромной спортивной сумкой, даже в просторном холле умудрился снести с обувницы вазу, созданную потомком династии Бурбонов.

С тех пор дворецкий не упускал случая подтрунить над парнем, а я благоволил ему и простил нанесённый ущерб, тем более что ваза не была так уж дорога и красива. Скорее, ей была предначертана такая судьба из-за дефекта — её дно было неровным, а баланс изогнутой фигуры нестабилен, поэтому она не раз падала, но казалась неубиваемой.

Как оказалось, только казалось.

Я не посвятил приятеля в то, что эта ваза уже порядком достала и приходящую горничную, и дворецкого, и меня, но не упустил случая заполучить Теренса в личное пользование в любое время дня и ночи и абсолютно бесплатно.

Вот и сейчас он явился с тусовки в невообразимом виде: жёлтая рубашка с яркими крупными цветами всех цветов радуги и росчерками клеток, майка с горизонтальными растянутыми прорезями, рыжая шляпа, узкие штаны кирпичного цвета с широким ремнём и волосы сочного красного цвета, мятыми патлами продуманно спадавшими до плеч.

— Вы, сэр, не посмеете, — чуть не хохоча ответил Маури, услужливо открывая бутылку, — я — лицо дома сэра Никиты. Вы же не хотите испортить ему лицо, сэр?

Я откровенно заржал — дворецкий уел парня как нечего делать. Теренс чуть не захлебнулся глотком пива, и Маури с удовольствием постучал ему по спине, расплываясь в белозубой улыбке.

Так нас и застала Несси, когда вошла в малый зал. Стилист, увидев её, застыл, чуть не поставил бутылку мимо столика и поднялся. Расставив руки, будто собрался обнять, он обошёл по кругу ошарашенную девушку, оглядел её с головы до ног и обратно и, сглотнув, вымолвил:

— Соломат, ну почему всё лучшее вечно достаётся тебе, а? — тут же спохватился и представился, согнувшись в низком поклоне, приложив ладонь к сердцу: — Теренс Райт,

можно просто по прозвищу — Терабайт. А вас, звезда Америки, как зовут?

Несси беспомощно посмотрела на меня, я лишь улыбнулся — этот парень как таблетка от депрессии, скоро девушка и не вспомнит о неловкости. Однако удачно я его вытянул из постели после светской попойки.

— Тенесси... — начала девушка, стилист схватился за лицо, открыв рот и глянув на меня, на неё, чем смутил девчонку ещё больше. Она продолжила неуверенно: — Мо... Моори.

— Супер! — зачарованно прошептал Теренс, воздел руки к потолку и громко и торжественно провозгласил: — Тенесси Моори! Восходящая звезда американского небосвода!

— И в какую же плеяду она восходит? — полюбопытствовал я, подходя к растерянной девочке.

Взял за руку, подвёл к креслу, в котором только что сидел, устроился в нём и потянул её себе на колени. Несси прильнула ко мне боком, даже ноги поджала — удивительно неизбалованный мужским вниманием человек! Красивая и такая чистая. Хрустально!

Я поглаживал её по попе и бедру, и это не ускользнуло от внимания Теренса. Он вернулся в кресло, взял пиво и хмуро обратился к девушке:

— Бегите от него, Тенесси, пока он вас на какой-нибудь договор не подсадил. С ним дело иметь — что душу дьяволу продать.

Мы с Несси невольно переглянулись, я рассмеялся, она насупилась, а Маури укоризненно покачал головой, цокнул языком и вышел из зала. Стилист слегка побледнел и вымолвил:

— Что... уже? Ну всё, мы вас больше не увидим...

— Кончай жуть на Несси наводить, жертва договора! — хохотнул я и погладил девушку по волосам, чмокнув её в губки. — Не бойся его, маленькая, он громкий, но безобидный. И очень известный, потому и талантливый. То есть наоборот. Я с тобой думаю наоборот...

— Ты всегда думаешь наоборот, Никос. Тебя бы верх ногами перевернуть...

— Цыц! — цыкнул я, убирая волосы Несси со своего лица, когда она повернулась к окну.

— Я подам на тебя в суд за присвоение достояния американского народа! — не унимался Теренс, открывая вторую бутылку пива.

— Народное достояние, сначала работа, потом суббота. Давай, не расслабляйся.

Появление Маури с вращающимся креслом заставило парня отставить бутылку. Он встал, протянул руку Несси. Она послушно направилась к креслу.

Теренс мгновенно преобразился: из светского раздолбая превратился в притязательного профессионала. Взбив волосы моей девочки и рассмотрев её лицо в анфас и профиль, расстегнул свою сумищу и достал баллон с каким-то сред-

ством. Побрызгал себе на руки, растёр ладони и взялся колдовать, что-то насвистывая.

Можно долго смотреть, как работает Теренс. Этот эпатажный варвар на самом деле выпускник Гарварда, умный и чуткий человек. Большой оригинал и настоящий друг. И совершенно непревзойдённый профессионал. Его работа с клиентом — танец с мечами и факелами, то есть ножницами, баллончиками и прочими рабочими атрибутами.

Кажется, он беспорядочно подхватывает пряди, отрезает, не глядя и не примеряясь, чем-то пропитывает волосы и наматывает их на все пальцы руки сразу, переплетает и небрежно бросает, перекидывая инструменты из руки в руку, как жонглёр.

Он не стоит на месте, его движения — вихрь, но лишь со стороны. Каждый, попавший в его руки, чувствует себя солнцем, вокруг которого вращаются планеты.

Вот и Несси расслабилась и заулыбалась, отвечая на шутки парня, сияя глазами с золотыми вспышками и выпрямив спину, как королева на троне. Да, Теренс — это то, что ей сейчас надо.

Я любовался своей малышкой, стараясь не обращать внимания на то, как бушует в штанах зверь, бросаясь на молнию джинсов, как ягуар на прутья клетки. С Несси мне стало сложнее, хотя я ожидал обратного. Она бодрила голод, а не утоляла его, секс с ней лишь снимал напряжение, но не давал ощущения сытости ни на минуту.

Да это и невозможно — это лишь мечта, иллюзия, самоунижение... Но я почему-то не мог выпустить её из своих рук.

— ...и ведь я говорил ей, что выбеленный цвет ей не к лицу. А она мне в ответ, знаешь, что? — Теренс смешно свернул губы трубочкой, выпятил грудь, поджал руки с расчёской и феном, как заячьи лапы, и, передразнивая чей-то голос и манеры, продолжил: — Теренс, дорогуша, это не твоё дело! Я пойду по красной ковровой дорожке и должна гармонировать с ней... — парень мгновенно переменялся в лице и возмущённо сотряс воздух: — С дорожкой гармонировать! О, святые шпильки!.. — вернувшись к колдовству над волосами Несси под её залиvistый смех, он сокрушённо вздохнул и обратился ко мне: — Никос, Тенесси просто необходимо вывести в свет.

В тот самый свет, которого я избегаю по категоричному настоянию Джейка. Секс, наркотики, рок-н-ролл — не пустые звуки, увы. Но да, увидев некоторых особей Нью-Йоркской тусовки, Несси забудет все свои комплексы. Но хочу ли этого я?

Она так возбуждающе зажимается каждый раз, когда я трогаю или вижу её клитор, а потом так вкусно и сильно кончает, забывая о стеснении, что я теряю границы реальности и растворяюсь в наслаждении от контраста её ощущений.

Я чувствую — мы с ней одной крови, ею, как и мной, правит голодный зверь. И я совершенно точно могу удовлетво-

рить её во всех смыслах.

Только не нравилось странное беспокойное ощущение, что она исчезнет и разобьёт меня в острые осколки, такие, что и Джейк не соберёт. Не нравилось желание... потребность решить все её проблемы, укутать в одеяло и держать на коленях, бесконечно трогая и лаская. Пришлось даже выпить антидепрессант, прописанный мозгоправом.

— Хорошо, — услышал я свой голос будто со стороны. Словно не я это отвечал. Я и не собирался соглашаться! — Только если она это сама хочет.

Заблестевшие золотом глаза девчонки сорвали душу...

Кажется, Никита не был рад, что согласился. Он вдруг напрягся и прислушался к себе — его будто обращённый в себя взгляд рассеялся на мне, не заставив трепетать, как обычно, когда он смотрит на меня. Он молча встал и вышел из зала. Даже разговорчивый стилист замолчал и проводил его взглядом.

— Он только с виду жеребец с яйцами...

Теренс замолчал и совершенно преобразился — от его искреннего веселья не осталось и следа. Он будто потух, как вулкан, его шутки, которые я больше не слушала, теперь казались отголосками грохота нарушенного трагической новостью веселья.

Я едва могла усидеть на месте, но уже через несколько минут парень отпустил меня, предложив проводить до зеркала.

— Я сама. Спасибо... — бросила на ходу и, чуть не срываясь в бег, поспешила в кабинет Никиты.

Он обнаружился там. Стоял, сложив на груди руки, и смотрел на Центральный парк. Даже не отреагировал на звук открывшейся двери. Я подошла к нему и, осмелившись, остро этого желая, обхватила его руками, прижавшись щекой к его спине.

— Никогда не заходи в мой кабинет без стука. Не всё, что я здесь делаю, ты должна видеть.

Голос его был тих и непривычно мягок, но от этого его слова не превратились из приказа в просьбу. Он, кажется, не умеет не приказывать, но постарался смягчить, хоть и плохо вышло.

— Я больше не буду, Ник...

Он неожиданно повернулся и сгрёб меня в охапку, накрыв губы страстным поцелуем. Приподнял меня и усадил на стол. Опять?

Но нет. Мужчина не ласкал меня, хоть и прижал к себе так, что я чувствовала его возбуждение, и своё тоже. Казалось, наши ненасытные части тела рвались друг к другу. И впервые я была рада, что у меня такая неприличная промежность. С ним другая не чувствовала бы тот жар и ту пылкость, ту жажду наслаждения на грани жестокости, что дарил он. Выдержать его напор и желание могла бы лишь одна из сотен женщин... И я...

Он будто распечатал ящик Пандоры, и вся моя чувствен-

ность теперь выплёскивалась на него. Мы с ним как масло и травы, как основа и пикантное дополнение — надёжный он и никакая я. И вся моя ценность для него — это самое пикантное дополнение.

Эта мысль отрезвила. Я должна научиться наслаждаться им, не пропуская его в сердце и душу. Но так хотелось впустить...

Никита отстранился так же неожиданно, разорвав поцелуй на две половинки, как и накинудся на меня. Всмотрелся в глаза внимательно, скользнул взглядом по губам и огладил пальцами щёки.

— Ты ведь и правда хрустальная, Несс. Нельзя тебя наполнять чем попало. Зря я согласился.

— Мне просто интересно, это не смысл жизни.

— Раз обещал...

— Не нужно.

— Отказать!

Глупо отрицать — кто не хочет попасть в Нью-Йоркскую тусовку, тем более такая девушка с амбициями, как я? Но этот шанс надо использовать, а потому надо подготовиться.

— Только с тобой, когда мы оба будем готовы, Никита. Я очень хочу...

— Понимаю, — усмехнулся он.

— ...я очень хочу, — повторила я, — чтобы со мной ты чувствовал себя спокойно...

В его глазах мелькнуло удивление, потом черты его лица

будто заострились, а взгляд потемнел. Я запнулась, испугавшись перемены. Похоже, я перешла какую-то черту.

— Что ты знаешь о спокойствии, Несси? — холодно, как редкий мороз в январе, прозвучал его голос. Никита прищурился и тихо отчеканил: — Я буду тебя ебать в хвост и гриву. И только тогда буду спокоен. Я достаточно ясно отобразил свои намерения и твоё место в моей постели?

Показалось, что перед глазами полетели чёрные мухи. Хотелось врезать ему по лицу. Но...

— В таком случае переведи на мой счёт остальные сто пятьдесят тысяч, и делай со мной, что хочешь. Только к родителям отпусти на два дня.

— Отказать... — Я хотела возмутиться, но он напомнил: — Я уже сказал — полетим вместе. И больше никогда не заходи в кабинет. Я дост...

— Достаточно ясно указал мне моё место... Козёл.

— Запомни это. Я другим не буду, — парень, подхватив меня подмышки, спустил на пол. Оглядел мою голову и, пригнув за шею, повёл носом по волосам. — Всё испортил, гад.

Джейк недоступен. Следовало ожидать, иначе бы контрольный звонок от него был ещё вечером. Обычно его поездки не длились больше недели, и в эти дня я чувствовал себя настолько же свободным, насколько и уязвимым. Поэтому и ложился в клинику на плановые обследования именно в такие дни. Друзья незаметно стали моими костылями, толь-

ко с их помощью я и брёл по жизни.

Но в этот раз судьба подкинула сюрприз — искушение в лице и теле Несси. Непонятные, выбивающие из-под ног почву чувства злили. Эта девчонка — всему виной. Надо бы увезти её домой, забыться с проститутками и сбежать от соблазнов к Рассу в клинику.

Но так я мог думать, пока не видел мою сладкую мулаточку. А не видеть её было трудно. Я испытывал потребность трогать её и смотреть на неё. И чем больше смотрел — тем красивее она казалась, чем больше трогал — тем сильнее хотел.

В глубине душе метался страх, что порву её в порыве страсти, сломаю, как хрустальную статуэтку, наполненную одуряющим разум соблазном. Я хотел её как-то по-особенному, как никого и никогда раньше. Хотелось рычать на окружающий мир и спрятать её от всех глаз.

Нужно было собраться с мыслями и обуздать злость на себя за то, что согласился ввести её в тусовку, сам не поняв как это случилось. Эта девчонка уже имела надо мной странную власть...

Её приход оборвал мысли. И я снова пообещал её вывести в свет. И взорвался... Не стоит ей говорить о спокойствии. Нет и не будет его у меня. Рядом с ней — тем более...

В зал мы вернулись вместе с Несси.

— Ну как? — поинтересовался Теренс, и я не сразу понял, о чём он.

Девушка, похоже, даже не взглянула на себя, а сразу прилетела за мной в кабинет. Эта мысль согрела, настроение поднялось. Я мысленно ругнулся, что веду себя как подросток. Несс осмотрелась в поисках, видимо, зеркала и пошла в прихожую.

— О, флаг Америки!.. — всё, что оттуда донеслось.

Теренс, воспользовавшись её отсутствием, спросил:

— Джейк знает? — кивнул в сторону Несси.

— Его нет в городе.

— Он будет... удивлён, — подобрал слово парень, — впервые, сколько я тебя знаю, девчонка не в обители греха, а в святая святых.

— Про обитель даже не вспомнил...

У меня действительно не возникло мысли везти Несси в небольшую квартиру на улице Ферман, где я трахал случайных женщин и куда вызывал проституток. Девушка как-то сразу виделась именно здесь. Представил её там, и в душе что-то недовольно зарычало.

Эта девчонка дробила меня на части. Я никогда не покупал одежду тем, кого трахал, и никогда никому не вызывал самого дорогостоящего в Нью-Йорке стилиста, даже несмотря на нашу с ним дружбу.

— В ней что-то есть. Рад за тебя, друг! — Теренс хлопнул меня по плечу и заорал: — Иди сюда, ядовитый змей!

Маури появился в зале одновременно с Несси, хоть и вышли они с разных сторон. С кухни потянуло чем-то очень

вкусным, будто дворецкий потянул за собой шлейф пикантных ароматов — ни один приход Теренса не обходился без шумного пати, и Экен с Маури, хоть и подтрунивали над экстравагантным стилистом, но любили его. А потому в святая святых Экена творилось настоящее чародейство.

В глазах Маури плескался едва сдерживаемый смех, а в глазах моей девочки искрилось восхищение: теперь разделённые пряди её волос смотрелись выглаженными утюгом и существовали каждая сама по себе, но в целом смотрелось даже лучше, чем вчера.

Пальцы зудели залезть под эти чёрные, тяжёлые, слегка извивающиеся ленты и запрокинуть её голову, смотреть на губы цвета какао с молоком и развести её ноги...

— ...рук не хватит! — закончил упущенную мной из внимания фразу дворецкий, а стилист предупреждающе пощёлкал ножницами.

— Никита, тебе нравится? — спросила девчонка, тронув меня за руку и заглядывая в глаза.

Она хотела угодить мне? Я краем глаза заметил, что оба — дворецкий и стилист — посмотрели на нас, но тут же сделали вид, что заняты своим вечным батлом.

— А тебе?

— Очень! — она тронула волосы кончиками пальцев и потянула прядку-ленточку.

— Я рад... — сердце скребнула мысль, что я на самом деле счастлив её порадовать. — Нам пора ехать.

— Но тут же всего пара кварталов...

В глазах Несси застыла мольба о чём-то, чего я не понимал.

— И?

— Может, дойдём пешком?

Теренс не мог остаться в стороне — в каждом модной дырке затычка:

— Причёску нужно испробовать в экстремальных условиях. Так что советую прогуляться...

— В экстремальных, говоришь... — протянул я, прищурившись и окидывая взглядом девчонку.

— Жара... влажность, все дела... Надо развеяться, — вещал Теренс, уже не глядя на меня, включая машинку для стрижки и отвернувшись к Маури.

— Жара... влажность... все дела... — повторил я, сжав плечи Несси и пристально глядя в её глаза.

Спускаться в обзорном лифте днём не менее интересно, чем вечером, когда Манхеттен зажигает свои знаменитые всему миру огни. Помню, когда я только приехала в Нью-Йорк, с наступлением темноты пересекла на автобусе Ист-Ривер по Бруклинскому мосту и стояла на побережье Лонг-Айленда, глядя через пролив на это перламутровое переливающееся чудо. Огромный город в то время сиял для меня звёздами возможностей, сердце замирало в предвкушении успеха.

Первые две недели пролетели стремительно, я бродила по сверкающему Бродвею и тесной Уолл-Стрит, любовалась городом с высоты Рокфеллер-центра и лежала на траве в Центральном парке. Жизнь казалась сказочной, а возможности безграничными...

— О чём задумалась?

Хрипловатый баритон Никиты мгновенно иссушил поток воспоминаний. Я подняла на него глаза, скользнув взглядом по мощному телу. Не верилось, что вот эта гора мышц, этот зверь с переменчивым настроением, этот богач сначала трахнул меня в туалете, потом купил ворох дорогих по смыслу, но дешёвых по факту шмоток, обозначив мою цену ясно и понятно, а потом вдруг выложил пятьдесят тысяч долларов и пообещал пять миллионов.

— Никита, а почему ты не ходишь с телохранителями?

— Я не против, чтобы моё тело щупали женщины, — он улыбнулся. — А если кому-то надо убить, то телохранитель не защитит. Это всё показуха, привлекающая ненужное внимание.

Мы вышли из лифта, спутник обнял меня, его ладонь легла на голую кожу в вырезе, и по спине поползли мурашки. Я обвила его узкую талию, чувствуя, как под тонкой тканью футболки перекачиваются мышцы.

Мы пересекли небольшой закрытый двор и окунулись в шум большого города. Это было странно — идти в обнимку с миллиардером, никуда не спешить. Он словно флагман

спокойствия, рассекал толпы горожан и приезжих, обтекавших нас, ни разу не толкнувших и не заступивших дорогу.

Хотела бы я быть столь же успешной, уверенной в себе и спокойной. Хотя... что я знаю о спокойствии?..

В клинику пришли минут через сорок. Всю дорогу шагали молча — пара фраз совершенно не меняла картины. Давно я не ходил по Нью-Йорку пешком, уже много лет. Десять? Пятнадцать? Приехав в город в четырнадцать, уже в шестнадцать я ездил на машине. И с тех пор не помню, чтобы проходил по улице расстояние больше, чем от парковки до башни Всемирного торгового центра, где находился головной мозг моей компании.

Окончив MIT[2], я вернулся в Штаты с готовым бизнес-планом и командой высококлассных молодых специалистов в сфере разработки медицинского оборудования будущего поколения.

Отец выкупил этаж в старом здании на краю Манхеттена и оборудовал там для моей команды лабораторию, не сильно веря в её успех. Но уже через семь лет наши с отцом бизнесы слились: его онлайн клиники стали современными медицинскими центрами с передовыми технологиями, которые разрабатывала моя дружная команда.

А последние пять лет гранты просто сыпались в мой научно-исследовательский центр «Аппалачи».

Но — по злой иронии — всё это не помогало найти спо-

соб избавиться от убийственного голода. Я долго не понимал, что серьёзно болен. Мальчишкой отличался агрессивностью и ранним половым развитием. Но разве способность трахать чаще и дольше мужчина воспринимает как отклонение от нормы?

В университете на вечеринках я успевал переспать с несколькими девушками, а в обычное время — сходить на несколько блиц-свиданий просто перепихнуться. Это был спорт для меня, такой же, как и увлечение бодибилдингом, а потому постоянное возбуждение и каменный стояк необычайно радовали.

Пока я не узнал, что серьёзно болен...

[1] Эдвард Мунк (д.р. 12 декабря 1863) — норвежский живописец, график, один из первых представителей экспрессионизма.

[2] MIT (Massachusetts Institute of Technology) — Массачусетский технологический институт, мировой лидер в области точных наук и технологий. Университет и исследовательский центр, расположенный в Кембридже, штат Массачусетс, США. Также известен как Массачусетский институт технологий и Массачусетский технологический университет. MIT подарил миру 80 Нобелевских лауреатов, а также множество выдающихся учёных и инженеров.

Глава 8. Недотраханнные люди

Аварийный выдох

Результаты обследования меня впечатлили в нехорошем смысле этого слова.

— ...Тенесси, и обязательно нужно придерживаться диеты. Диабет и ожирение — обычные спутники клиторомегалии. Гормональные препараты я назначил, но! Если почувствуешь боль при возбуждении, звони мне и прекрати приём лекарства. Это важно! Будем подбирать другой препарат.

Я сидела совершенно подавленная.

— Но ведь гормоны как раз могут привести к ожирению, — кажется, так затравленно я даже на Сэма не смотрела.

— Это заблуждение... Так, — врач побарабанил по столу пальцами, — каждый день взвешивание, раз в неделю ко мне. Избегать силовых упражнений. Гормональные препараты — твой шанс иметь детей... Извини. Я резко подошёл к этому вопросу. Аменорея — непостоянные месячные, приводит к частичной или полной ановуляции. Тенесси, если ты забеременеешь, это будет почти чудо! Но и затягивать с этим нельзя. Чем будешь старше, тем станет сложнее забеременеть и выносить ребёнка.

— А сделать операцию можно?

— У тебя НЕ бисексуальные гениталии, ты НЕ гермафродит, у тебя НЕ член, а клитор, — с нажимом на отрицание

спокойно и очень добро говорил Рассел, — иначе бы тебе сделали феминизацию ещё в раннем возрасте, но в подростковый период ты бы испытывала болезненные эрекции во время полового возбуждения, чаще всего в этот период нужна повторная операция. Если чисто эстетически тебя напрягает размер внешнего тела клитора, можно говорить о резекции, но ты должна понимать, что клитор, это не вот то, что ты видишь у себя сейчас. Клитор — большой внутренний орган, лишь его головка видна, а всё остальное его тело расходится на два пещеристых органа, по форме напоминающих рожки. В возбуждённом состоянии они наливаются кровью и плотно охватывают влагалище с обеих сторон — отсюда и приятные ощущения при проникновении. Скольжение члена внутри массирует эти рожки, и это делает секс приятным занятием. А под кожей малых половых губ находятся клиторальные луковицы, они тоже наполняются кровью и охватывают отверстие влагалища, оно расширяется, его чувствительность повышается... Понимаешь? Это не отрезать кусок и не пришить назад головку...

Было неловко слушать от мужчины то, что он рассказывал мне о моём теле, но я уже начинала понимать...

— ...Если делать резекцию, то неизбежно следует делать и вагинопластику, и малые половые губы при этом тоже подвергаются изменениям. Как следствие возникнут сексуальная дисфункция, потеря чувствительности клитора и, соответственно, аноргазмия. Только тебе решать, Тенесси...

Рассел смотрел на меня так тепло и пристально, и я уже не знала, что делать.

— ...Я как мужчина тебе скажу — при выраженной маскулинизации твоего влагалищного канала любому мужчине половая связь с тобой — сплошное удовольствие. Каламбур, конечно, но ты поняла, о чём я...

Кровь жарко хлынула к моему лицу, я опустила глаза и заёрзала на стуле. Как-то это неправильно, ведь они с Никитой друзья, а он смотрит так... странно, с какой-то надеждой. На что? Неужели я такая редкая и желанная?

Я уставилась на него исподлобья, изучающе скользнув взглядом по его лицу и телу — не гора мышц, но не слабак, и вполне симпатичный. В его серых глазах, казалось, мелькнуло понимание, что я его оцениваю, но он уже снова перешёл к разговору в рамках врачебной этики:

— 75% женщин без стимуляции головки клитора вообще не способны достичь оргазма. У него единственная функция — доставлять женщине удовольствие. Нет оргазмов вагинальных и клиторальных, надеюсь, ты это уже поняла — все оргазмы клиторальные. И любое вмешательство в строение гениталий со стопроцентной вероятностью повлечёт за собой именно то, что я тебе уже перечислил... Тенесси, ты красивая девушка, у тебя красивое тело, и твой клитор — идеален для тебя и твоего мужчины...

Я чуть не поперхнулась. Моего мужчины?! Он о ком? Никите? Или вообще? Его голос стал тише и проникновенней,

как будто бархатом приласкал душу, но это никак не перечёркивало того, что я испытала на выпускном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.